

Галина Череди́й

Проект "Ворожея"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Череди́й
Проект «Ворожея»

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Чередий Г. В.

Проект «Ворожея» / Г. В. Чередий — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Антон Чудинов – еще молодой, но уже закоренелый циник, обычный мент-нищеброд с мерзким характером и вечно загаженной холостяцкой берлогой. Любовь, нежность, привязанность? Вот уж спасибо, этого добра больше не надо. Качественный грязный секс, желательно каждый раз с новой девицей – вот те рамки, за которые он больше не собирается выходить в отношениях с женщиной. Даже самой красивой, даже самой умной, даже самой чуткой, даже все «видящей». Хотя нет, вот с «видящей» обстоит все очень сложно, очень запутанно. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

– Малыш, нам поговорить нужно!

Опять Алина зацепила мою единственную чистую рубашку, а значит, сегодня на работе от меня будет нести как от парфюмерной лавки! Что за идиотская манера хватать чужие вещи? С чего все без исключения девушки считают, что напялить на голые тела мои вещи – это охренеть как сексуально? У меня что, по их мнению, на собственную рубашку вставить должен? Пришла трахаться к мужику – ходи голой! Если бы я напялил ее топик, не прикрывающий пупок, это показалось бы ей сексуальным? Не-а. Наверняка бы визжала, что я извращенец и порчу ее охренительно дорогой кусок тряпки. А еще говорят, что это у мужиков двойные стандарты. Сто процентов какая-то курица безмозглая придумала эту фигню с мужскими вещами, написала в каком-нибудь говноблоге, а все без раздумий кинулись повторять. Хотя не знаю, может, и есть парни, которым нравится подобное. Но это не я однозначно. Это моя квартира, моя территория и мои тряпки. И просто терпеть не могу, когда мое трогают.

– Ма-а-алы-ы-ыш! – снова заканючила Алина. – Ты меня слышишь?

Прекрасно слышу и еще лучше понимаю, к чему все идет. Но нет, дорогуша. С такими вопросами не ко мне.

– Рубашку мою сними, она последняя чистая осталась, и иди одевайся. Я и так уже опаздываю! – не оборачиваясь, ответил, сплевывая в раковину.

Ага, вот он, этот настороженный взгляд. Да, ты все верно понимаешь.

– Антош, я же тебе уже сто раз предлагала: давай я и уберусь, и приведу в порядок твои вещи! – Тон из ноющего моментально стал искусственно-заботливым.

– А я сто раз говорил тебе – нет! – практически выдернул из рук совершенно голой Алины рубашку, скользнув уже безразличным взглядом по паре отличных сисек, привлечших меня пару недель назад. Задница тоже, надо сказать, просто супер, но уже, однако, примелькалась. Понюхав вещь, скривился. Она что, нарочно на нее духами брызнула? Вот гадство! Думает, я нюх потерял или оценю эту херню с попыткой установить собственнические границы? О, да, я оценил и проникся!

– Почему? – Идеально выщипанные бровки сошлись на переносице, а глаза просканировали мое выражение лица.

– Потому что я сам убираю в своем доме и сам забочусь о своих вещах. – Не собираюсь я сглаживать углы. Пора прощаться с Алиной. Ибо мы уже вплотную подошли к тому моменту, когда из милой, сексуальной, покладистой зайки она готова обратиться в гребаного питбуля, который вцепится в меня намертво. Не-е-ет. Со мной эта фигня не сработает. У меня свои нерушимые границы, и пытаться их подвинуть я не позволю никому!

Алина развернулась и хлопнула дверью ванной. Твою же мать, будто того, что проспал и башка трещала, мне и так было недостаточно! Пока глотал обжигающий кофе, она появилась полностью одетая на моей тесной кухне с таким лицом, будто кто-то умер, но мне пофигу.

– Кофе будешь? – спросил чисто из вежливости. Ответ знал.

– Я такую дешевую бурду не пью! – огрызнулась она.

– Какая жалость!

Она демонстративно не села, но когда поняла, что мне плевать, шумно выдохнула и отмерла. Вот, сейчас начнется.

– Сегодня вечером заедешь за мной? – как ни в чем не бывало спросила она, закуривая.

Когда башка с утра трещит нещадно, запах дыма до завтрака – это такая, сука, удачная идея!

– Нет.

– Завтра?

– Нет. – Я знаю, что мерзавец, но никогда никем другим и не прикидывался.

– А когда?

– Никогда, Алина. Я буду занят. Очень.

Она вздрогнула, и мне стало на секунду стыдно. Но лучше так и сейчас.

– Я могла бы приехать сама. – Голос девушки дрожал, и я уже в который раз себя спрашивал, зачем женщины это каждый раз делали? Красивые, гордые, уверенные в себе и сексуальные в этот самый момент почему-то превращались в жалкое подобие себя или же во взбесившихся фурий. Разве такой бессердечный мерзавец, как я, за которым давно закрепилась слава законченного ублюдка в отношениях, стоил всех этих эмоций? Я не долбаный олигарх, не звезда спорта с миллионной зарплатой, не актер. Обычный следак с копеечной зарплатой, скверным характером и квартирой, похожей на свинарник, потому что полноценный выходной выпадал максимум раз в месяц, и его я предпочитал провести с парнями за пивом, а не вылизывая жилплощадь до блеска. Неужели мужик и правда так измельчал, что даже на такого нормальная, уважающая себя женщина может сделать ставку и расстроится, когда ничего так и не получится? Да будь я женщиной, в жизни со мной не связался бы! Все, на что я пригоден, – это несколько часов качественного грязного траха, и то, пока возраст позволяет, и встает без сбоев.

– Не надо приезжать, Алина.

– У тебя какое-то важное дело? Это надолго? – Ну вот, уже глаза заблестели. Как же я это ненавидел!

– У меня все дела важные, Алина. Я убийства расследую. – Разве дела о том, как один человек разумный позволяет себе лишиться другого такого же человека единственного, по-настоящему ценного, можно сортировать на более или менее значимые? Вероятно, можно, но я за годы работы и с возрастом стал бездушным и циничным, наверное, во всех аспектах жизни, но только не в этом. – Просто нам стоит закончить.

– Но почему? – прошептала она, прижимая ладонь ко рту, и ее лицо исказилось.

– Потому что ты с самого начала знала, что так и будет. Мне не нужны отношения. Только секс. Разве мы не говорили об этом сразу? Ты используешь меня, я использую тебя.

– Говорили... но я думала...

– Думала что? Что произвела на меня неизгладимое впечатление, и я забыл о существовании всех остальных женщин в мире? – насмешливо посмотрел на нее. Ну не настолько же она глупа?

– У тебя... кто-то есть? – нервно затянулась, и я видел, как дрожал огонек сигареты.

– Детка, у меня всегда кто-то есть или вот-вот будет. Ты же понимаешь, с кем имеешь дело! – цинично усмехнулся я.

– Мне казалось, у нас что-то особенное! – Вот это уже зарождение гнева.

– Нет ничего особенного в том, чтобы трахать кого-то до бесчувствия. Я это делал до тебя и буду делать после, – безразлично пожал я плечами.

– Ты... ты урод! – крикнула она и швырнула в меня окурок. Поймал его, слегка обжег пальцы и кинул в кружку.

– Ага.

– Да кому ты нужен вообще!

– Точно!

– Нищесброд! Хамло!

– Тоже верно!

– Я на тебя почти месяц убила, терпела этот твой свинарник гребаный!

– Вообще-то две недели, но все равно напрасно, детка. Терпеть не стоило.

– Ты еще пожалеешь! Будешь на пузе за мной ползать! – вопила она уже из прихожей, и я ощутил еще босыми ступнями сквозняк.

– А вот это вряд ли, – пробормотал сам себе, кривясь от оглушительного хлопка дверью.

На улице было мерзко и сыро, ежился, пока шел к своей старой «Тойоте». Как же я не выношу эту нашу осень. Дождь все время. Если его нет прямо сейчас, значит, он только что закончился или вот-вот пойдет снова. В голове намертво засел бешеный дятел и долбил без остановки, несмотря на пару таблеток обезболивающего. Сука! Надо уже прекращать эти кувыркания почти до утра. Секс – штука замечательная, но, видимо, я уже достиг того возраста, когда сон может быть ценнее интенсивных постельных упражнений.

Скривился, когда по сожалеющему взгляду Верочки, секретарши шефа, понял, что, как всегда, я последний. Ай, ладно, все уже привыкли к моим опозданиям и забили на них. Постучал и вошел, ожидая ставшей привычной отповеди начальства. Но, однако же, шеф на меня только мрачно глянул и кивнул, приказывая сесть. Ну и замечательно.

– Итак, начну снова для тех, кто считает, что у них свободный график посещения. – Ну надо же, это почти нежно. – Умники из министерства решили, что наши показатели раскрываемости их не впечатляют. Думали они, думали и придумали, как нам, лентяюгам, помочь.

Голос шефа был щедро наполнен желчью, и я его понимал, как и коллеги, чьи лица кривились, словно от кислоты. Что бы там ни родилось в мозгах жирнозрых дармоедов из министерства, отдуваться-то всегда нам.

– И в этот раз их помощь не простая, а прямо-таки волшебная, – практически выплюнул шеф, и все хмыкнули, сдерживая презрительные смешки.

Что это еще за фигня?

– Для того чтобы научить нас, неумех, работать по-настоящему, – все более язвительно продолжал он, – к нам прислали госпожу ясновидящую Владиславу Арифееву.

Шеф дернул головой влево, и я наконец заметил сидящую в общей массе брюнетку. При слове «ясновидящая» у меня в голове сразу возник образ расфуфыренных дамочек, с ярким макияжем, устрашающим маникюром, с ног до головы увешанных разными цацками, типа амулетами. Такие частенько вещали по ТВ замогильными голосами. Но на самом деле там, ссутулившись, сидела тощая женщина лет где-то тридцати, в невзрачном сером свитере, похожем, скорее, на мужской. У нее было жутко бледное, даже сказал бы, немного изможденное лицо со впалыми щеками и острыми скулами. На голове не было и намека на прическу, просто небрежный бесформенный пучок. Она замерла под направленными на нее взглядами, опустив голову, глаз я не смог рассмотреть, они, как занавесью, были закрыты густой растрепанной челкой. Худые руки с очень длинными тонкими пальцами и кое-как обломанными ногтями лежали на столе, нервно сцепленные и напряженные. Кожа на кистях такая бледная, что казалась почти прозрачной, и я мог даже со своего места проследить рисунок каждой синеватой вены. Острые плечи выпирали из-под вязаного трикотажа, усиливая общую неприглядную картину.

– Видящая, – тихо, немного сипло проговорила она. Почему-то мне пришла мысль, что делала она это нечасто. В смысле – говорила. Несмотря на это, все присутствующие слышали ее хриловатый голос отчетливо.

– Что, простите? – раздраженно дернулся шеф, будто ему припалили зад. Он страшно бесился, когда кто-то лез в его вотчину. Да, собственно, кто это любит вообще? Короче, я совсем не завидую этой бледной дамочке. Он сделает все, чтобы сожрать ее с потрохами.

– Я не ясновидящая, а просто видящая, – без всяких эмоций, не поднимая головы, поправила его она, явно зарабатывая себе еще несколько баллов по шкале его неприязни.

– Какая на... Не важно, – пробормотал шеф и снова скривился, будто у него запор. – В общем так! Госпожа Арифеева прикрепляется к одной из групп по расследованию убийств на испытательный срок в три месяца. – Коллективный страдальческий вздох наполнил кабинет. – По истечении этого времени министерство ждет от нас отчетов и результатов.

Шеф замолк и стал обводить сидящих за длинным столом тяжелым взглядом, и, клянусь, все молились, чтобы великая честь повесить себе на шею обузу в виде госпожи Владиславы миновала их.

– Чудинов! – Я буквально подпрыгнул на месте. – Прикрепляю ее к твоей группе.
Что? Нет! Нет-нет-нет!

– Да что я сделал-то? – вырвалось у меня.

– Ну, ты у нас известен способностью ладить с противоположным полом, и с дисциплиной у тебя не очень. Думаю, самое то! – Насмешливые рожи избежавших проблем коллег усиливали и мое разочарование, и головную боль.

– Я не согласен! Мы не в песочнице играем, особенно сейчас, а маньяка ловим. Пристройте ее вот всякий антиквариат искать к Фетисову! – возмущенно возразил я.

– Не-не-не, – замахал руками мой приятель и сослуживец. – Нам такого добра не надо!

– Чудинов, а ничего, что начальник здесь пока я? – рыкнул шеф, и я понял, что попал, и отмены приговора не будет. – Если я говорю, что госпожа Арифеева будет работать с тобой, значит, так и будет. На этом все! Свободны!

– Ага, и фамилия у тебя как раз в тему. Да и экстрасенсов ты еще не трахал, – ехидно прошептал Фетисов, наклоняясь ко мне через стол и скалясь во весь рот. Ближайшие к нам коллеги его все же услышали и начали давиться смехом. Ну, погоди, я найду, чем тебе отплатить!

Шеф хлопнул по столу и махнул руками, приказывая убираться. Я подорвался и вылетел из кабинета одним из первых. Нет, ну это наверняка мне в наказание! Карма, мля. Обидел одну бабу, и тут же тебе навязали другую, причем без возможности отряхнуться. Хорошо еще, что ненадолго. Хотя, может устроить ей такой теплый прием, что она и сама раньше времени скиснет и свалит обратно к своим жирнозадým покровителям в министерство? Кому это в голову могло прийти вообще? Докатались до помощи экстрасенсов. Позорище!

Глава 2

Влетев в кабинет, буркнул приветствие своему помощнику Василию и плюхнулся в кресло, строя мрачные коварные планы по избавлению от этой тощей обузы. Тихо постучали, и мадам Владислава появилась в дверном проеме во всей, так сказать, красе. Замеченный мною ранее свитер крупной вязки явно был ей не по размеру, или просто ее худоба была чрезмерной, но висел он на ней бесформенным мешком, достигая середины бедра. Разве сейчас еще такое носят? Из-под этого предмета одежды виднелись застиранные мешковатые джинсы. На ногах совершенно нелепые в такую погоду тряпичные балетки, явно выдавшие лучшие дни. И причем, насколько мне видно, еще и промокшие. Твою же дивизию, так ведь можно все нутро застудить! Тоже мне, госпожа Влада. Что за нелепый вид? Разве ясновидящие не гребут бабки лопатой, одурачивая доверчивых идиотов, которым деньги девать больше некуда? Я молча размышлял, не спеша проявлять любезность, она же так и стояла, помощник тоже пялился, не говоря ни слова. Пройдясь снова взглядом от ее жалкой обуви до лица, я вдруг ощутил, будто меня от дикой перегрузки буквально вдавило в кресло, да так, что ни вздохнуть, ни шевельнуться. На фоне жутко бледной кожи ее худого лица огромные темно-карие глаза казались двумя провалами, наполненными такой беспросветной тьмой и болью, что аж до костей пробрало, а в глотке будто застрял кусок льда, перекрывая доступ воздуха. Это длилось, наверное, несколько секунд, но и их мне хватило, чтобы ощутить ужасающую близость чего-то совершенно чуждого, такого, от чего у нормальных людей волосы дыбом встают и случаются приступы беспричинной паники. У нормальных, но не таких, как я или эта женщина, стоявшая прямо сейчас передо мной.

– Вы по какому вопросу? – Василий, мой помощник, разрушил этот вымораживающий контакт наших взглядов, женщина моргнула, и жуткий морок исчез, позволяя мне вздохнуть свободно. Сейчас, когда эта Владислава снова смотрела вниз, она выглядела обычной, тощей, неряшливо одетой и причесанной женщиной, без малейшего налета какой-то мистики или вообще хоть какой-то необычности. Что за на хер? Это что, ее гребанные экстрасенские фокусы? Если так, то это она напрасно.

– Госпожа Владислава теперь будет с нами работать, Василий, – сказал я, недобро улыбаясь и уже решив, как я отвечу на это ее мистическое приветствие.

Василий недоуменно уставился на меня, но я пока ничего объяснять не собирался. Вскочив, обошел стол и придвинул даме продавленный стул, стоявший у стены.

– Извините, трона у нас нет. Но чем богаты. Чаек будете? С печеньем? – шутовски даже прогнулся, стремясь донести до дамочки свое отношение.

Владислава моргнула, искоса нечитаемо глянула на меня и молча кивнула. Она села на скрипучий стул и поджала промокшие ноги. Краткий стыд и сочувствие кольнуло в область сердца, но я их отбросил. Не колыхает меня ни разу.

Василий, все еще растерянно глядя на нас, организовал чай, и я, само собой, не забыл упомянуть, что это дешевый мусор в пакетиках, но от госпожи видящей реакции так и не последовало. Она пила почти кипятком, прикрывая глаза, похоже, от удовольствия, но к нашему засохшему печенью не прикоснулась.

От горячего на ее щеках появился едва заметный румянец, даже скорее лишь намек на него, и я вдруг непонятно почему завис, замороженный появлением и нежностью этого цветкового акцента. От этого ее кожа из просто бледной стала какой-то прозрачно-перламутровой, такой, что глаз не оторвать. Но эффект пропал необычайно быстро, заставляя меня гадать, был ли он вообще, или это опять какой-то фокус.

– Итак, как мы с вами должны вообще взаимодействовать? – раздраженно встряхнув головой, спросил, едва скрывая вернувшуюся злость.

– Вы будете работать как обычно, – хриплый голос был тихим, но отнюдь не робким. – Я ничем не буду вам мешать. Все, что я стану делать, это ходить с вами повсюду и смотреть. Если увижу что-то важное – сообщу. А вы уже сами решайте, использовать это или игнорировать.

Звучало без всяких эмоций, так, словно ей глубоко плевать, стану ли я к ней прислушиваться. Хм-м... разве не должна она пытаться обратить меня на свою темную сторону, заставить поверить во всякую мистическую хрень и убедить в собственной незаменимости? Хотя, может, это все еще впереди.

– Ну, раз считаете, что должны ходить повсюду, и закончили с чаем... – пробормотал я, уже предвкушая гадость и поднимаясь. – Идемте.

Она встала, и ее мокрая обувь издала тихий, но от этого не менее противный чавкающий звук. И опять мне на секунду стало стыдно, но я запихнул эту эмоцию куда подальше. Мы вышли на улицу под мелкий дождь и пошли через двор к зданию морга. Ну что же, сейчас проверим вас, госпожа Владислава, на способность следовать за мной повсюду.

– Ну, что я могу тебе сказать, Чудо, – пробубнил наш патологоанатом, тыча одной из своих железок в труп перед нами. – Как и упоминал раньше, смерть наступила где-то за 48 часов до обнаружения тела.

– Это, выходит, 22-го. Опять в полнолуние, – нарочно уточнил я и покосился на свою нежеланную спутницу, ожидая реакции на обезображенное тело и жуткий запах. Чаек наружу не просится, а, госпожа экстрасенс?

– Я же тебе уже... – недовольно начал Санек, но быстро понял, что я затеял, и осекся.

– Ну да, в полнолуние, – ухмыльнувшись, продолжил он. – Следов связывания, гематом, переломов, указывающих на длительное насилие до смерти, нет. Резали и калечили ее так же непосредственно перед убийством. Спермы нет, но половой контакт у нее был за несколько часов до смерти. Считать его насильственным можно только условно, потому как естественной смазки не было, но это весьма несерьезный показатель. И был ли он с убийцей или кем-то другим... Ну, короче, сам все понимаешь, при нынешних нравах все возможно. Сопротивления она не оказывала, похоже, совершенно, как и предыдущие жертвы, но, как и у них, следов наркоты не нашел.

– Но не могла же она добровольно позволять иметь себя и одновременно практически заниматься вырезанием по коже? – не сдержавшись, повысил голос я, не зная, что злит меня сильнее: отсутствие хоть единственной новой детали в убийстве или ноль эмоций у стоявшей вместе со мной у трупа госпожи Влады. На ее лице не отразилось ни страха, ни омерзения, ни возмущения тем, что я притащил ее сюда без подготовки. Она даже не отводила глаз в ужасе или отвращении от лежащего на прозекторском столе растерзанного тела, а как будто смотрела поверх него куда-то за плечо Александру, нашему патологоанатому. Причем так пристально и сосредоточенно, что он то и дело нервно косился туда и сам, перехватывая ее взгляд.

– Слушай, Антон, ну чего ты из-под меня хочешь? – не выдержав, повысил он голос. – Говорю тебе, никакой известной нам наркоты не нахожу! А по поводу вырезания... какой только ху... ерундой сейчас народ не занимается. Советую порыться в сети и поискать про любителей хардкора в сексе. Может, чего новое для себя откроешь! А то застрял в своей ванильке!

– А ты, я так понимаю, уже расширил свои горизонты! – огрызнулся я, отмечая чрезмерную нервозность Санька.

– Чудинов, ты по делу пришел или моей личной жизнью озадачен?

– Ладно, – примирительно поднял я ладони, хотя он сам первый начал. – Что еще?

– Да ничего особо! В желудке только семечки, сырные чипсы и газировка. Алкоголя за последние сутки ни капли, но есть следы, может, за сутки до смерти.

– Ясно. Что с орудием?

– Да то же, что и раньше. Похоже на обычный нож, достаточно острый, без зазубрин или других узнаваемых признаков. Ранения нанесены явно без всякой суеты, значит, время его не поджимало. Единственное, что могу сказать, это то, что все поверхностные надрезы нанесены немного раньше, чем глубокие раны, вызвавшие непосредственно смерть, временной разрыв не слишком большой, но достаточный, чтобы сильное кровотечение из порезов прекратилось.

– А то, что кровь вся смазана, это от пленки?

– Ну да. Ее порезали сверху, потом завернули в ту пленку, на которой ее и нашли, доставили на место, там распаковали и уже добились ударом в печень. Померла от внутреннего кровотечения. Рану тщательно заткнули, и кровь осталась вся внутри, кроме той, что она потеряла через предварительные надрезы.

– Все так же, как и у трех первых жертв, – пробормотал я.

– Именно так. Из различий могу только отметить, что эти надрезы на теле с каждым разом все меньше напоминают хаос и все больше какие-то знаки или рисунки даже. Будто ублюдок набивает руку, практикуясь. Сам посмотри.

– Прекрасно! Предлагаешь его искать среди шизиков от искусства, которые предпочитают голых баб разрисовывать?

– Это боди-арт называется, чурбан. И почему же сразу баб? Ты немного отстал от жизни, друг мой! Сейчас голых мужиков расписывают с не меньшим энтузиазмом!

– Крюков, пока это никак не касается моих дел, кто кому и чего мажет краской, меня вообще ни разу не трогает! Ты мне как доктор, хоть и не совсем по профилю, скажи. Это направление может быть перспективным в этом деле?

– Ой, ладно, нетолерантный и негибкий ты наш! Но если серьезно, то я и правда бы понюхал в эту сторону. Но только осторожненько, чтобы не оскорбить своими солдафонскими манерами ничью тонкую душевную организацию. Художники – натуры нервные и мнительные.

– Ты меня еще нюхать поучи! – огрызнулся я.

Все время нашей беседы госпожа Влада продолжала невозмутимо смотреть в одно место, изредка моргая, что явно все сильнее нервировало Саню.

– Не хочешь познакомить меня с твоей загадочной спутницей? – наконец не выдержал он.

Не знаю уж почему, но я не хотел. Но поборол это глупое, невесть откуда взявшееся сопротивление.

– Да, пожалуйста! – сделал широкий жест рукой. – Знакомься. Госпожа Владислава Арифеева, наш отныне штатный экстрасенс и все такое.

– Я не экстрасенс, – покачала головой женщина. – Просто видящая.

– Да ладно? Значит, это правда? – обалдело выкатил глаза Санька. – Ну и что, прямо так с разбегу скажете нам, кто, мать его, убийца?

– Нет, – жестко ответила женщина, не настроенная на веселье.

– А что так? – Вот теперь за тоном Саньки слышалась откровенная издевка. – Способностей маловато? Может, какой-нить дух Мерлина призвать? У-у-у-у!

Он поднял, скрючил руки и покачался, как долбаный зомби, делая тупое лицо, и мне неожиданно захотелось ему двинуть. В конце концов, эту Владиславу мне повесили на шею, так что, если кому и глумиться, то только мне.

Я покосился на ее лицо, ожидая увидеть поджатые в обиде губы или даже выступившие слезы, но, однако же, она так и продолжала смотреть куда-то за спину Сани. Потом она очень медленно перевела глаза на него, отчего он реально съежился, а потом на меня.

– Вы тут закончили, господин Чудинов? – безразлично спросила она.

– Ну, в принципе да, еще только пару слов, – ответил я и заметил, как она переступила в своих тряпичных балетках и поджала пальцы. Сто процентов ей здесь в морге в мокрой обуви было реально холодно. В этот раз приступ стыда не был мимолетным.

– Я могу подождать вас снаружи?

– Ах-х... хм-м, в этом нет необходимости. Все подробности нам все равно перешлют в отчете, – хмуро пробормотал я и указал ей на выход.

– Ваш коллега, там, в морге, очень отважный человек, – сказала она, когда мы шли через двор.

– Потому что трупов не боится? – хмыкнул я.

– Нет. Потому что после того, что с ним там случилось, находит в себе мужество продолжать там работать. Не многие способны вернуться туда, где с ними произошло что-то действительно плохое.

Глава 3

Я завис на полминуты, пытаюсь понять, что она несет, но потом меня осенило. Конечно же! Лет восемь назад, когда я только пришел сюда, на Саньку напали прямо в морге, ночью. В аэропорту умер один из «глотателей», и его доставили на вскрытие к нему. А получатели товара настолько обнаглели или отчаялись, что рискнули явиться за ним в морг глубокой ночью. Они тяжело ранили Саню и приковали его наручниками, и он так просидел до утра, медленно истекая кровью, пока его сменщик не нашел. Выжил только потому, что в помещении жутко холодно было, и это приостановило кровотечение. Тогда этот случай получил громкую огласку, и историю растащили во все газеты и новости, приукрашивая, как водится, красочными подробностями, литрами крови и выпущенными по полу кишками.

– Здорово, – насмешливо ухмыльнулся я. – Вот так эта фигня и работает, да?

– Какая? – женщина посмотрела на меня, чуть приподняв одну бровь.

– Ну, очевидно же, что вы тщательно готовитесь, собираете инфу, и потом – бац и вставляете про между прочим парочку туманных фраз о прошлом. И вот уже доверчивый лох у вас на крючке и готов верить каждому слову?

Госпожа Влада отвернулась и ускорила шаг, вынуждая догонять ее. Я смотрел ей в спину, пытаюсь угадать, как глубоко удалось зацепить ее. Первые несколько шагов женщина шла дергано, будто ее суставы задеревенели, выдавая мне свое вполне ожидаемое напряжение и обиду. Но очень быстро все изменилось, и я невольно прилип глазами к тому, как она двигалась. И на краткий момент вдруг перестал видеть и ее нелепую одежду, и чрезмерную худобу. Осталась только приковывающая взгляд удивительная грация. Причем из того ее сорта, что бывает только врожденной, естественной, как дыхание или моргание. Прямо нутром чую, что такому нельзя научиться, это или есть, или нет. Это не модные ныне «трахни меня» псевдокошачьи вышагивания на каблучицах, которые, как женщинам кажется, так радуют наши взгляды. То есть, конечно и однозначно, дама, передвигающаяся таким образом, привлечет мое внимание, ибо как такого похотливого засранца, как я, можно не привлечь откровенным сексуальным призывом? Но вот прямо сейчас передо мной совершенно другое. Эта плавная и при этом стремительная походка не была наполнена скрытыми сигналами, она не для того, чтобы стягивать к себе чье-либо внимание. И при этом оторваться было просто невозможно. Заметил двух стажеров, вышедших на перекур, которые теперь тоже стояли, прилипнув глазами к идущей впереди меня странной женщине, и увидел на их лицах, наверное, то же самое недоуменно-завороженное выражение, что и у меня, и впечатление рассеялось. Сто процентов это опять какие-то экстрасенские штучки и теперь уже в отместку за мою язвительность. Раздраженно дернул головой, будто стараясь вытрясти из уха воду, и снова начал злиться на себя за то, что то и дело какого-то черта отмечал несущественные детали. Она не моя чертова подследственная, и поэтому стоит научиться, наоборот, замечать ее как можно меньше, а не всматриваться тщательно, выискивая в ее образе все больше вызывающих любопытство черт, а значит, позволять невольно вовлечь меня в эту дурацкую игру.

– Что, не хотите отвечать? – не сдерживаясь, бросил женщине в спину.

– А вы и правда нуждаетесь в ответе, господин Чудинов? – не оборачиваясь, ровно спросила она.

– Антон, и можно на «ты»! Что, боитесь, раскрою ваши секреты и отниму хлеб с маслом? – На это она покачала головой, и мне даже показалось, что она почти улыбнулась.

– Отнимайте на здоровье. И я никогда не готовлюсь. Пары, как вы выразились, туманных фраз и так бывает достаточно. – От моего предложения перейти на «ты» явно отказались, подчеркивая дистанцию. Это неожиданно задело, хотя и сам не понял, на хрена вообще это предложил. Как будто мне не пофиг.

– Материалы дела будете изучать? – спросил, когда вошли в длинный обшарпанный коридор с щербатой плиткой на полу.

– А это единственное дело, над которым вы работаете?

– Нет. Просто оно приоритетное. Есть еще два убийства. Грабеж и бытовуха. После обеда опрашиваю по одному из них двух свидетелей. Желаете присутствовать?

– Если вас это не слишком напрягает, то да, – со вздохом ответила женщина, однако ни малейшего энтузиазма в ее голосе не было.

– Если и напрягает, у меня будто есть выбор, – недовольно проворчал я, обгоняя и толкая перед ней дверь кабинета.

– Не у вас одного, – едва слышно ответила она.

– Ой, Антоха, – Серега Фетисов скалился навстречу нам, точно так же, как недавно в кабинете начальства, и при этом его глаза метались от меня к госпоже Владе и обратно. – А я тут к вам чайку попить заскочил.

– А у тебя что, чайник навернулся, или весь чай на чифирь для подследственных перевели? – пробурчал я недовольно.

– Эй, ты чего такой сегодня злой? Что, неужто самому Чуду ночью не обломилось?! – чрезмерно жизнерадостно похлопал меня по плечу коллега и многозначительно подмигнул. Что за дурацкое поведение и гримасы, как у ушибленного нервным тиком? Сегодня что, все, мать их, сговорились доставать меня любыми доступными средствами и странным поведением?

– Не обломиться может только неудачникам или вот таким, как ты, женатикам, когда у их баб... пардон, женщин ПМС или просто хреновое настроение. А мне всегда обламывается, когда мне это нужно! В этом плюс открытых отношений и полной свободы, братец! – выражение лица Сереги тут же из оптимистично-ехидного стало кислым. Может, и не очень честно тыкать его в то, что я знаю о его проблемах с женой, но не хрен было так на планерке радоваться, да и вообще... какого он приперся-то?

– Эм-м-м, госпожа Владислава, как вам первое впечатление от нашего отдела в целом и от работы с Антоном в частности? – моментально свернул тему Фетисов, галантно подвигая женщине стул.

Ой, вы посмотрите, что за тон и какие мы все из себя вежливые. С чего бы это вдруг?

– Сложно делать какие-то выводы за столь короткий срок, – ее ответ казался доброжелательным, но на самом деле был, скорее уж, безразличным. – Но мне нравится, что Антон максимально быстро старается ввести меня в курс дела.

Типа, подколола? И надо же, вот я и Антон, оказывается?

– Ну, я же понимаю, как мне повезло заполучить такую помощницу, как ты, Влада, – нахально поддержал ее тон.

– А вы уже, смотрю, на «ты»? – Серега выглядел так, словно ему на любимую мозоль наступили. Ожидал, что я буду ходить недовольный всем миром, а вы будете являться и глумиться над моим невезением? А вот хрен вам!

– А чего затягивать-то? – оскалился, изображая гостеприимного хозяина и припоминая его улыбку от уха до уха утром, от которой сейчас почему-то не осталось и следа. – Так что, по чаю? Влада, тебе какой?

– Да ты знаешь, у меня дела, так что, может, вечером увидимся? – пробормотал Серега, теперь уже совершенно бесцеремонно рассматривая с головы до ног Владиславу так пристально, будто вообще впервые женщину увидел, и меня это снова раздражало. Он что, надеется у нее третий глаз засечь или пальцы считает, нет ли лишних? – Как ты по поводу пива?

Очень смешно, тем более что его женушка этого терпеть не может, и совместные посиделки случаются у нас с ним еще реже, чем мои мифические выходные.

– Ага, этим вечером или тем, когда у тебя окошко вдруг образуется, – не стеснясь, подколол я.

– А вы, госпожа Владислава, как насчет пойти после работы в бар и познакомиться поближе с теми, с кем предстоит работать? – неожиданно переключился он на женщину и снова сушил зубы в широчайшей улыбке. Мля, да что ж ты так стараешься-то, болезный?

Сослуживец стрелял на меня глазами, и я тут же все прочитал в них. Так вот оно зачем и сам визит. Ясно, задумали нечто вроде вписки.

– Она будет работать со мной, так на кой ей пить с вами? – недовольно возразил я раньше, чем решил не вмешиваться.

Новый взгляд, уже откровенно вынуждающий поддержать его, и я понял, что, очевидно, замыслили они не просто вписку, а что-то не совсем хорошее. Наверняка решили так помочь выжить дамочку из нашего отдела. В принципе, я только за то, чтобы от нее избавиться, но поежился, памятуя, каким жестоким розыгрышам подвергался вначале, и это при том, что меня приняли вполне благосклонно. А что же богатое воображение моих коллег может родить в попытке по-настоящему обидеть и задеть? С одной стороны, не пофиг ли мне, а с другой, как-то это хреново и причиняет мне внутренний дискомфорт. Нет, я как-нибудь уж сам с ней разберусь, без их креативной помощи. Уверен, что она и так по работе достаточно облагается, а упаивать и потом выставлять в неприглядном свете, забавляясь от души – это аттракционы чисто для нас, толстокожих мужиков.

– Не думаю, что у Влады будет время на хождение по барам, Серега. Ей еще нужно в дела вникнуть, и как можно быстрее. – Фетисов нахмурился, намекая, что я дебил и все испортил, но я покачал головой и кивнул ему на выход.

– Антон прав, – поддержала меня госпожа экстрасенс. – У меня не будет времени, и к тому же я совсем не тот человек, с кем вам будет хоть сколько-нибудь интересно.

Серега попрощался и на выходе помахал мне рукой, прося выйти.

Мы отошли от дверей кабинета, и он резко развернулся, глядя на меня почти зло.

– Ты что, совсем тупой, Чудо? – прошипел он. – Мы с мужиками уже придумали, как ее сбаврить по-быстрому за несоответствующее поведение, а ты, придурок, тормозишь!

– Он решил ее сначала поиметь, а потом уже спровадить, – выкнул неожиданно появившийся из-за спины Володька Палкин. – Че, Чудо, ты у нас настолько всеядный, что даже на таких убогих ведешься, или сильно захотелось разнообразия в постели? Будете этот... тантрический секс практиковать? Или еще какую-нибудь мистическо-извращенскую херню?

Он говорил достаточно громко, чтобы его можно было услышать не только в моем кабинете, но и на втором этаже, и потом оглушительно заржал, явно восхищенный собственным охеренным остроумием.

Терпеть не могу этого быдловатого идиота. С его интеллектом и скотскими манерами ему не в органах работать, а с гопниками по подворотням отираться. Мы, конечно, все тут не образец для подражания с холодной головой и горячим сердцем, да и руки не всегда чистыми сохранить удастся, но вот почему держат еще таких, как он, честно не понимаю.

– Я, Палкин, не всеядный, а справедливый, и почти все женщины для меня одинаково прекрасны, – закипел моментально, да так, что сдерживаться уже было не вариант. – А всеядный у нас ты, учитывая, что вечерами шлюх с улиц тащишь к себе в кабинет под видом задержания и трахаешь их там. И еще к тому же жалкий, потому что соглашаются они дать, только если ты их шантажируешь. Брезгуют, плюются потом, но соглашаются!

Володька сделал пару шагов, набычиваясь и краснея почти мгновенно.

– Да я тебя, суку... – зарычал он, но натолкнулся на мой прямой взгляд, умоляющий только дать повод, и осекся.

– Эй, мужики, вы охренели, что ли? – встал между нами Фетисов. – Мы на работе, мать вашу. Хотите оба схлопотать от шефа?

– Это он охренел, – огрызнулся Палкин, но отступил. – Возомнил о себе... Гений сыска, мля, лучший оперативник и жеребец долбаный. Урод! Это бабы от тебя в восторге, Чудо ты гребаное, а мужики, знаешь ли, навалить могут и твою корону на жопу натянуть!

– Мужики-то, может, и могут. А вот единственный способ, каким ты мне можешь навалить, – это собрать толпу таких же одноклеточных гопников-неудачников, как сам, или в темном переулке исподтишка кирпичом по башке шарахнуть, а потом попинать и свалить, пока не очнись! – презрительно ответил я, и Палкин ретировался, предварительно смело послав меня издали.

– Слышь, Тоха, ты чего вообще? Озверел? – шокированно посмотрел на меня Серега. – Ты на черта с ним цепляешься? Зачем тебе эта гнида сдалась?

– Ни за чем, – отмахнулся я. – Пусть за языком следит!

– Да с каких пор ты на это внимание обращаешь? Что происходит-то? На меня рычал, на него бросился. Тебе, может, персенчика попить?

– Я и коньяком обойдусь, – хмуро ответил я, уже и сам не очень понимая, чего так вдруг завелся.

– Может, тебе в отпуск пора?

– Ничего мне не пора! Просто бесит... все. Еще и в деле третий труп, и ни одной подвижки! – признался я честно.

– Антоха, твоя проблема, что ты вечно все это слишком через себя пропускаешь. Ночей не спишь, гоняешь в голове все время. Погружаешься, короче. Нельзя так.

Я смотрел на него, поучающего меня, и испытывал желание возразить, спросить, как же можно по-другому? Как можно приходить домой, словно ни в чем не бывало, есть свой вкусный ужин, вести ниочемошные беседы с женой, привычно ложиться в постель и преспокойно засыпать, когда по улицам все еще ходит в поисках новой жертвы ублюдок, которого ты должен поймать, но так пока и не поймал? Но Серега продолжал монотонно мне втирать что-то про то, что мир не исправить, и убийцы будут и никогда не кончатся, а надо жить нормально и бла-бла-бла, и я просто не хотел больше ни говорить с ним, ни спорить.

– Ага, ты, конечно, прав. Да только все равно это меня из себя выводит, – знал, что на самом деле он все равно меня не понимал, хоть и очень старался.

– Понимаю. А тут еще и баба эта? – усмехнулся он. – Так говорю же, давай избавимся от нее. Мы тебе поможем, а шеф будет только «за». Сам знаешь.

– Серега, не надо мне ни в чем помогать! Сам я разберусь и с дамочкой, и с нервами, и с делами!

– Ну ладно, – разочарованно пожал плечами Фетисов. – Как хочешь. Только ты в курсе, что на нее нет никакой инфы?

– В смысле?

– В прямом. Мы тут с парнями быстренько пошарились по базам. Так вот, нету ничего. Типа, вообще. Я, собственно, это сказать и приходил, чтобы не по телефону.

– А зачем вы искали?

– Ну, здрасте, нам же интересно, что за сокровище к нашему берегу прибило. А вдруг может устроить нам энурез и недержание или вообще импотенцию.

– К моему берегу. Не вашему, – машинально поправил я, размышляя над информацией, и пошел к своему кабинету. – Так что вы расслабьтесь и так не дергайтесь. Очковые клетки не восстанавливаются. Увидимся, Серега.

– Чудо, тебе, и правда, надо уже отдохнуть, – вздохнув, проговорил он мне вслед.

Вот поймаю этого суку-резчика по коже и отдохну.

Глава 4

Бесшумно открыл дверь в кабинет только для того, чтобы зависнуть на пороге от странного зрелища. Мой помощник Василий и госпожа Влада смеялись. Не в том смысле, что прямо ржали, заходясь в безудержном веселье. Нет, это был какой-то особенный, тихий смех. Я бы даже квалифицировал его как интимный или заговорщицкий. Хотя какие, к черту, заговоры, когда они знакомы всего минут двадцать в общей сложности? Но при этом я наблюдал вполне себе наглядную картину, как оба сидели с кружками парующего чая в руках, наклонившись лицами друг к другу, и тихо о чем-то говорили, издавая эти самые сдержанные звуки – мягкий смех. Госпожа Влада поджала под себя ноги, и это делало ее позу совсем какой-то девчачьей, а вечно насупленный Василий был сейчас совершенно расслаблен. Он даже сутулиться перестал. При этом я, хоть убей, не мог вспомнить, чтобы парень за три месяца работы моим помощником вообще улыбнулся хоть раз! Я что, настолько невнимателен, или этого и правда не было? Василий был толковым, исполнительным, готовым сидеть хоть до утра, как и я, перерывая базы данных, это отличало его от других стажеров, что так и не ужились со мной и попросились к другим, не таким самодурским следакам. Он действительно был полезен и даже временами незаменим, учитывая вечную занятость аййтишников и мою тупость в освоении современных технологий. Но, опять же, проработав с ним бок о бок столько времени, я реально не мог вспомнить его веселящимся.

Да ну и хрен с ним! Сто пудов это опять какой-нибудь гипнотический приемчик госпожи Влады, которой остро надо расположить всех к себе. Отстранившись от раздумий на тему необычных реакций подчиненного, все равно краем глаза отметил, что сидела Владислава уже, понятное дело, босиком, а ее нелепые сейчас туфли сохли на спрятанном в углу нашем масляном обогревателе. Ну и ладно, мне нет дела до того, что предложил это не я, а, как оказалось, такой пронырливый, мать его, тихоня Василий. Бросил короткий взгляд на обоих до того, как они выпрямились и прекратили свою беседу, и вдруг поймал себя на том, что размышляю, может ли Василий привлекать Владу? Он младше ее, и лицо у него простака рязанского, но когда женщин останавливала разница в возрасте и простоватое личико? Млять! Да о чем я вообще, на хер, думаю? Это что со мной не так-то? Может, и не так уж не прав Серега? И мне реально в отпуск пора, потому как совсем ум за разум заходит? Мой помощник и госпожа экстрасенс опять стали сами собой. Он – сутулым ботаном, уткнувшимся в экран или документы, а она – невзрачной дамочкой с лишенным эмоций лицом. Влада опустила ноги на пол, как будто почувствовала себя неуютно в моем присутствии, и выпрямилась, глядя при этом прямо на меня без признаков смущения. Я, почувствовав внезапное раздражение, прошел в угол кабинета, где на старой, обшарпанной вешалке сто лет болтался дорогой пуховик. Уже почти целый год назад его здесь оставил подозреваемый, который прямо в процессе допроса стал главным обвиняемым в деле об изнасиловании и убийстве ребенка и отправился прямоком в СИЗО. Естественно, ему это не понравилось, и он пытался бушевать, и, пока усмиряли, о его верхней одежде так и забыли. Затем выяснилось, что ее некому забрать, потому как урод умудрился покончить с собой в камере, а родни у него не оказалось.

Я подошел с курткой к Владе и, наклонившись, накрыл ноги, но так, чтобы не коснуться. И, поднимая голову, столкнулся с ее ошеломленным взглядом. Почему-то вдруг вспомнилось, как она замешкалась в дверях, когда я их открыл, и как косилась, когда подставил вначале стул, и сразу подумалось, что для нее никогда никто ничего не делал, даже какой-то мелочи. Не знаю даже, почему это в голову пришло, но если женщины знают, что такое проявление хоть элементарного внимания, то не смотрят на тебя так, будто ты прошелся по комнате гольшом на голове.

– Спасибо, – пробормотала она, продолжая смущать меня своим пристальным пораженным взглядом.

– Все равно он тут черт-те сколько висит и никому не нужен, – пренебрежительно пожал я плечами. – Хоть для чего-то сгодится.

Выражение ее темных глаз тут же изменилось, в них проскользнул легкий оттенок разочарования, но я не успел понять почему, потому как в дверь постучали.

Следующие два часа я опрашивал двух свидетелей, одного из которых считал стопудовым убийцей, а Влада изучала дело маньяка, которое ей вручил Василий, хотя особого интереса я не заметил. Она перелистывала страницы довольно быстро, почти не вчитываясь, так, словно это был глянцево-гламурный журнальчик, а не сухие факты, повествующие о чьей-то боли и смерти, и то и дело смотрела на моих фигурантов. Причем ее интерес был гораздо меньше, когда в кабинете сидел и бубнил первый, тот самый, кого я и подозревал, чем когда зашел второй. Родной младший брат убитого, тщедушненький очкарик в идеальной белой рубашечке с галстучком, эдакий мальчик-одуванчик без возраста, полная противоположность безвременно почившему старшему брату, гуляке, бабнику и здоровенному детине.

С его появлением в кабинете она, казалось, совсем забыла о лежащих перед ней документах и, часто моргая, смотрела на меня, на мямлящего ответы на мои вопросы свидетеля, а потом почему-то на двери. Причем, похоже, ее взгляд ощущался вполне осязаемо, потому что к концу допроса парень уже ерзал и нервно оглядывался на нее. А Влада будто и не замечала этого и продолжала пялиться, сильно хмурясь, словно что-то было ей непонятно и приводило в замешательство. На самом деле мне даже стала нравиться эта ее способность действовать на нервы и выводить из равновесия. Не знаю, как там обстоит со всякой сверхъестественной похабенью, а вот эта фигня могла быть реально полезной. Я стал нарочно затягивать допрос, и парень совсем раздергался.

– Послушайте, а можно уже закончить побыстрее, – не выдержал наконец он, и глянул на Владу уже откровенно неприязненно, чего она, впрочем, и не заметила вовсе. – Меня в коридоре жена беременная ждет. Может, уже достаточно вопросов?

– Я решаю, когда достаточно, гражданин Сысоев Владимир Алексеевич, – нарочно монотонным голосом ответил я. – А жену-то зачем с собой брали? Тем более в положении.

– Я не брал! Она сама захотела. Переживает очень. Знает, как мне трудно пережить гибель Славки! – Парень тут же стал похож на ежа. Ну ладно, на тощего ежа-доходягу! – И вообще, разве вас это касается?

Услышав про жену, Влада резко поднялась и, едва не упав, выпутала ноги из обернутого вокруг них пуховика, совершенно не замечая, что босая, пошлепала через кабинет к двери. Она не просто шла, а почти неслась, наклонив голову и упорно глядя перед собой, и это почему-то действовало на всех нас как команда следовать за ней.

Выскочив в коридор, я увидел ее прижавшейся спиной к стене и неотрывно глядящей на сидящую напротив на банкетке миниатюрную девушку с уже заметным животиком под элегантным черным платьем. На голове у той была траурная косынка, и на ее фоне лицо казалось очень бледным, хотя и необыкновенно миловидным. Она захлопала огромными прозрачно-голубыми глазами, переводя их на каждого из нас по очереди. Под пристальным вниманием Влады она заерзала, губы задрожали, а руки стали нервно тереть ткань платья.

– Что-то случилось? – с дрожью спросила беременная и в этот момент выглядела настоящим испуганным ангелом, хрупким и незащищенным.

Мой свидетель метнулся к ней тем самым отчаянным движением, в котором безошибочно читаются прущие наружу мужские инстинкты охранять самое дорогое.

– Что здесь происходит? – Теперь в его голосе был настоящий гнев.

– Милый, мне страшно! – беременная вцепилась в руку мужа, глядя на него так, будто ее убивали.

– Как вы смеете пугать мою жену! – закричал на Владу молодой муж, хотя она пока не произнесла на единого слова и даже не шелохнулась.

Девушка вскочила и прижалась всем телом к разъяренному супругу, реагируя, на мой взгляд, совершенно неадекватно в этой ситуации. Ясное дело, Влада сейчас выглядела странновато, но не настолько же чтобы закатывать истерику. Но с другой стороны, это же баба, да еще и с гормонами, чего с нее взять-то? Девица натуральным образом разрыдалась, глядя на нас всех невинными заплаканными глазами, а ее муж стал вопить, что будет на нас жаловаться в прокуратуру. В считанные секунды происходящее переросло в скандал грандиозного масштаба, и из кабинетов вокруг стали выглядывать.

Влада же смотрела на истерящую беременную почти с отвращением, казалось, совсем не замечая ни холодного пола, ни криков, ни людей, появляющихся отовсюду. Потом она схватилась за живот и завертела головой, как будто что-то искала. Натолкнувшись взглядом на меня, она пробормотала:

– Туалет?

– Там! – машинально показал я, и она сорвалась с места.

И тут я вспомнил.

– Твою ж дивизию, там же только мужской, женский в другом конце, – и стал догонять ее, но только и увидел закрывшиеся перед носом двери.

– Никому пока не уходить. Я вернусь через минуту, – бросил через плечо.

– Да что вы тут все себе позволяете! – заорал Сысоев мне вслед.

– Какого хрена там... – начал я, влетев следом, и тут увидел Владу над первой же раковиной. Ее сгибало в жутких спазмах. Она вцепилась в края фаянса так, что пальцы побелели, и тяжело дышала, иногда всхлипывая.

– Вы нездоровы? Может, скорая нужна? – Я и сам не мог понять, почему так саднило внутри от ее вида, вот такой тощей, сотрясающейся и явно страдающей.

– Как же я ненавижу это! – вместо ответа сипло пробормотала Влада и открыла кран.

– Что именно?

– Это она убила, – проигнорировав мой вопрос, сказала женщина, стряхивая с тонких пальцев воду.

– С чего вы взяли?

Влада посмотрела на меня в отражении грязного зеркала, и я ощутил себя вдруг полным дебилом, задающим тупейшие вопросы. Ее глаза сейчас выглядели опять теми темными провалами на бледном лице, пугающими дверьми разума, за которыми хранятся знания, недоступные другим и, наверное, совершенно не нужные им, чтобы жить и оставаться в своем уме. И это было и страшно до усрачки, и при этом непреодолимо притягательно. А потом она снова моргнула и опустила глаза к льющей воде, и все пропало, оставив только краткое ощущение ледяного прикосновения где-то под диафрагмой.

– Это она убила, – повторила женщина с нажимом и обернулась. – Не случайно. Нарочно. Долго готовилась. Она насквозь этим пропиталась. Бедный ребенок. Его мать не только убила его отца, но и отравила всю себя.

– В смысле отравила? – Я испуганно дернулся к выходу. – Мне тут трупы лишние не нужны!

Влада непонимающе захлопала на меня глазами.

– Я имела в виду ненависть, замысел. Когда человек так долго мечтает о смерти другого, он навсегда остается отравленным, выгнившим. Вот вы же тоже убийца, но внутри у вас этого нет. Вы и она... это нельзя сравнить.

Она вот просто так, как нечто само собой разумеющееся назвала меня убийцей, что я сначала просто опешил, а потом озлился.

– Знаете что?! Эти ваши штучки не сработают со мной, неужели еще не поняли? – зарычал на нее. – Может, просто потрудитесь не мешать мне выполнять свою работу, раз уж мне все равно от вас не избавиться, и не будете устраивать тут цирк!

– Простите! – Влада устало вздохнула. – Просто это бывает со мной. Я постараюсь сдерживаться. Но эта девушка действительно и есть ваш убийца.

– Да? И как вы прикажете мне использовать эту инфу? Пойти и в лоб спросить, не она ли замочила брата своего муженька припадочного? Как мне это доказать? На каком основании предъявить?

Влада в ответ только посмотрела совершенно беспомощно, чем разозлила меня еще больше.

– Вы хоть знаете, что по материалам дела ее вообще в день убийства даже в городе не было? – продолжил я наседать на нее. – Уезжала она к маме. Это упоминают все свидетели. Можете доказать обратное? – Женщина помотала головой. – Может, знаете, где хотя бы орудие убийства искать?

– Не знаю. – Влада опустила голову и вдруг чихнула. Тихо и придушенно, как какой-то долбаный жалкий котенок, даже смешно, черт возьми! Мой гнев моментально испарился. Вот только что прямо трясло, а тут раз – и нету!

– Идите же вы в кабинет и закутайте свои чертовы ноги! Как вообще можно ходить в такой обуви осенью в дождь! – Я как сварливый старый дед, ей-богу!

– Нет, – затрясла она головой. – Пока она там, я тут побуду. Не могу я... рядом с такими.

Она выглядела совершенно удрученно и, похоже, извинялась, но явно давала понять, что с места не сдвинется.

– Твою ж дивизию, – пробормотал я. – Ладно, дайте мне пять минут, я выпишу дамочке повестку на послезавтра и отправлю. А к вам сейчас Василий придет с обувью.

Какого черта я вообще иду у нее на поводу?

– Хорошо, я в коридоре постою, – почти покорно кивнула Влада и пошлепала по плитке, а я, проводив ее взглядом, от души выругался.

В туалет вошел один из моих коллег, столкнувшись с женщиной в дверях, многозначительно прокашлялся, намекая на неуместность присутствия тут госпожи экстрасенса. Влада же не обратила на него внимания и только прижалась к стене снаружи, повернувшись спиной в сторону моего кабинета, и так и осталась.

Я посмотрел на всех присутствующих в коридоре и покачал головой. Вот же свезло мне, так свезло, теперь я прямо центр внимания всего отдела! То-то же еще по мне пройдутся все кому не лень. Хотя похрену мне. Гораздо важнее, что мне делать с этой Владой несуразной и всем от нее услышанным? Поверить? Забыть? Или проверить? Но как?!

Глава 5

Я быстро выписал повестку беременной мадам Сысоевой, которая вроде успокоилась, но, поняв, к чему идет, опять начала делать лицо невинной страдальницы в окружении злобных монстров, дрожать губами и лить бесконечные слезы. И все это под аккомпанемент воплей ее мужа, перечислявшего куда, кому и сколько раз он на меня пожалуется и как меня за это потом нагнут. Приходилось мне такое слышать частенько раньше, и обычно все эти сотрясения воздуха никак меня не задевали, но сегодня от каждого визгливого звука в голове уже стало отчаянно пульсировать, и я едва сдерживался, чтобы не наорать на обоих. Такое чувство, что ей путевку прямоком на Колыму выписывал, а не требовал явиться для опроса через пару дней! Хуже всего, что меня сейчас в одинаковой степени бесили обе бабы: и эта Сысоева с ее истерикой, и госпожа экстрасенс с чрезмерной реакцией. А больше я сам, потому как, считая все сверхъестественные штуки полной хренью, все равно сейчас невольно поддавался ведь на это, выписывая долбаную бумажку.

Василий вернулся, едва громкая парочка покинула кабинет, причем один.

– И где? – спросил я, мотнув головой в сторону двери.

– Влада сказала, что ей в нашу бухгалтерию надо, – сообщил помощник, – оформить там чего-то официально.

Может, это и к лучшему, потому как у меня сейчас было навязчивое желание вывернуться на кого-то.

– Кстати, – вспомнил я, – мне тоже надо к начальству. Как я, собственно, должен пришивать к делам все эти откровения мистические, мать их?

Я уже почти вышел, а потом меня посетило.

– Васек, ты догони этих Сысоевых и попробуй фото дамочки сделать. В идеале незаметно, а там как получится. У нас ведь ее снимка нигде к делу не прилагается?

Василий покачал головой и без лишних вопросов помчался, обгоняя меня, по коридору. Вот люблю этого парня прямо. Никаких тебе «зачем-почему» и «в мои обязанности это не входит», сказал – он пошел и сделал.

Шефа на месте не застал и, через силу рассеянно поулыбавшись на откровенный флирт его секретарши, сбежал, едва она от томных взглядов перешла к вопросам о госпоже Владе. Вот теперь такая петрушка на каждом же шагу меня ждет!

Василий вручил мне отсканированную и напечатанную фотку милого личика мадам Сысоевой вполне приличного качества. Я всмотрелся в снимок и поразился резкому контрасту между нежными, почти кукольными чертами лица и жестким, холодным взглядом огромных глаз, из которых тут пролилось столько слез. Теперь я не видел и намека на первоначальный трогательно-невинный образ. Такое чувство, что он был только очень тщательным камуфляжем, но, один раз сумев заглянуть под него, уже перестаешь его замечать, больше он не работает. А может, просто я все-таки поддался на фокусы этой Влады и активно дурачил сам себя, выискивая в обыкновенном фото то, чего там вовсе нет! Кто сказал, что Сысоева убийца? Это доказано и подкреплено уликами и документами, которые примут в суде? Черта с два! А значит, все это домыслы и фантазии, не имеющие связи с реальностью! Я метнул недовольный взгляд в сторону стула, на котором до этого располагалась возмутительница моего спокойствия.

– Влада заходила, чтобы узнать, будут ли еще сегодня проводиться какие-то действия, – перехватив мой взгляд, сообщил Василий. – Я ей ответил, что нет, и она сказала, что домой пойдет.

Я одновременно вздохнул с облегчением, так как ее присутствие постоянно напрягало меня, заставляя краем глаза отслеживать каждое движение и мельчайшую гримасу, и в то

же время опять испытал необъяснимое раздражение. Не могла дожидаться и спросить у меня лично? Старший тут как-никак я, а не Василий! И даже дело не в том, кто тут главное, а в том, что у меня вообще-то куча вопросов, а она взяла и ушла.

Сгоняв Василия за бутербродами, я засел за дело моего маньяка. Снова и снова я просматривал все документы, фото тел и улики, воскрешал в памяти то, что не было отражено в отчетах. Прогонял все в голове по кругу, выискивая, может, хоть какую-то деталь, которую упустил раньше, хоть что-то, что позволит мне сдвинуться с мертвой точки.

Тела обнаружены в местах, где редко бывали люди, но при этом не настолько уединенных, что найти их могли бы только по чистой случайности. Возможно, ублюдок не хотел, чтобы их изуродовали бродячие животные и сильно затронуло разложение. Плюс не было следов волочения, небрежного обращения. Он доставлял их, тщательно и бережно обернув в чистую пленку, и укладывал аккуратно, а не просто швырял как придется. Это может говорить о некоей привязанности или особой извращенной заботе о жертвах, но может и о собственном его тщеславии. Вероятно, Санек прав, и эти рисунки, что придурак вырезает на телах, являются предметом его гордости, а значит, ему хочется, чтобы их оценили во всей красе, а не когда творение будет испорчено случайными обстоятельствами. Кто их, психов, разберет? Я помял переносицу, пытаясь хоть как-то избавиться от головной боли. Удачи мне в этом, конечно. Прихлебывая остывший уже чай и давясь заветренными бутербродами, вздохнул.

– Завтра надо самим купить колбасы и хлеба и наделать бутеры, – буркнул Василию. – Как они вечно умудряются их засушить?

Василий ответил только угуканьем и пожиманием плечами с набитым ртом, не отрываясь от монитора. Он по моему указанию поднимал инфу по этому боди-арту и всем пришибленным искусством индивидуумам, практикующим его у нас в городе. Естественно, наш маньяк всегда может оказаться гастролером, но почему тогда все три тела оставил у нас и относительно недалеко друг от друга? Поэтому начнем с местных.

Так, что у нас еще есть? Следов длительных истязаний нет. У меня за годы работы уже выработалось особое чутье, безошибочно говорящее мне, пережила ли жертва перед смертью сильное физическое и моральное страдание. Даже умиротворение, которым обычно накрывает лица людей после смерти из милосердия природы над еще живущими, не могло обмануть меня. И наличие или отсутствие внешних повреждений тоже не основной для меня показатель. Человечество давно научилось причинять себе подобным страшные муки, не оставляя следов на поверхности. И я, может, и не хотел бы, да все равно всегда ощущал некий отзвук, что ли. Никакой гребаной мистики, просто в голове будто загоралась шкала, на которой четко высвечивалось, какую степень боли случилось испытать потерпевшему. Так вот, в этом деле, несмотря на абсолютно неоспоримое наличие всех повреждений, мой болеметр не срабатывал. Просто вообще. Так, словно эти женщины умерли в благодати и покое, тихо отойдя во сне! И это при том, что все экспертизы подтверждали одно и то же – никакой известной наркоты в них нет! Конечно, всегда остается вероятность применения еще неизвестных нам веществ, потому что приходится признавать неприглядные реалии – криминальные гении от химии работают гораздо быстрее и креативнее, чем наши специалисты. Да и не ограничены они ни в средствах, ни всякими нормами и правилами. В любом случае надо поболтать с коллегами из наркоконтроля, может, узнаю, чего еще нет в официальных отчетах.

Дальше. Нет признаков истощения и обезвоживания, нет грязи под ногтями, ссадин, синяков, говорящих о длительном содержании где-то и попытках выбраться. Или этого не было, или он кормил-поил и поддерживал каким-то образом их в состоянии покоя, потому как отметин, свидетельствующих о связывании или прочей фиксации, тоже не наблюдалось.

У него явно так же нет определенного типажа внешности жертвы, потому что все три были разными. Ничего общего ни в возрасте, ни в цвете волос, ни в фигуре, вообще ни в чем, на мой взгляд. Единственное, что объединяло всех женщин, – мы не могли установить их

личности и найти хоть какую-то родню. Их никто не искал, и это несмотря на то, что они не выглядели бродяжками или проститутками, судьба которых безразлична всем окружающим. Но, однако же, факт оставался фактом – за три месяца с момента первого убийства никто не пришел и не заявил, что он знает, чье тело лежит в нашем морге. С одной стороны, это меня ужасало, а с другой, совершенно четко обрисовывало картину нашей действительности. Мы стали одиночками. В самом прямом смысле этого слова. Мы распускаем слюни по поводу, что все вокруг стали бездушны и эгоистичны, но сами безразличны к окружающим и даже самым близким. Живем, питая только свой собственный внутренний мир и едва замечая всех, кто с ним соприкасается, и совершенно исключая из поля зрения остальных.

Ах, да, еще одно совпадение. Первое и последнее убийство пришлось на полнолуние, но вот второе нет. Так что тут тоже пока никакой закономерности.

Ну, вот и как мне, исходя из этих всех данных, создать мало-мальски стройную логическую схему его поведения?

Звонок шефа выдернул меня из раздумий об устройстве бытия в целом и моих рабочих трудностях в частности.

– Чудинов, зайди! – коротко гавкнул тот в трубку.

– Ну что? – многозначительно спросил он, когда я вошел, и мрачно кивнул мне на стул.

– А что? – в тон ему ответил я.

– Чудинов, будешь перед девками из канцелярии юмориста изображать! – рыкнул он. – Что думаешь делать, чтобы избавить наш отдел от этого посмешища?

Если он утром на совещании выглядел злым, то теперь такое чувство, что он не только не остыл, но еще больше себя накрутил за это время.

– Такое впечатление, что это была моя идея ее сюда пристроить, Алексей Семеныч! – огрызнулся я.

– Ну и не моя, уж поверь! Таких вот пришибленных, как эта Влада, пристроили еще троим соседям. Обозвали их временными сотрудниками с особыми полномочиями, зарплату им выделили и теперь ждут результатов! Нет, ну ты представляешь? Обозвали это непотребство «Проект «Ворожея» и сидят там на своих жирных задницах в предвкушении чуда стопроцентной раскрываемости! Идиоты, сука! Хотел бы я знать, откуда у этой идеи вообще ноги растут, нашел бы умника и оторвал бы и их, и голову шибко умную!

– Так это не единичный эксперимент с нами? – удивился я.

– Нет, и только это меня хоть немного примиряет с ситуацией, хотя особых поводов для оптимизма не вижу. Если этот чертов эксперимент признают успешным, то всех этих чокнутых начнут вводить к нам в штат на постоянной основе. И тогда ты можешь представить, до чего мы дойдем? Будем вместо розыскных действий ждать, когда эти гадалки проклятушие карты свои раскинут и нам всю правду расскажут? Мало по нам пресса и так вдоль и поперек проходится, стоит только разок ошибиться, так теперь еще и это. Я прямо чесаться начинаю, представляя себе заголовки, когда они пронюхают о таком «сотрудничестве»!

Он выскочил из-за стола и стал расхаживать по кабинету, все больше злясь. На его щеках обозначились красные пятна, лоб вспотел, и вообще он выглядел каким-то всклокоченным. Сейчас особенно было очевидно, что он, хоть и крепок еще, но возраст не щадил его совершенно. Черт, я понимаю, что ситуация раздражающая, но не до такой же степени, чтобы до удара себя довести, психуя, тем более, что прямо сейчас ничего не поделать.

– Ну, может, в чем-то они и могут быть полезны? – попробовал я хоть немного разрядить обстановку, потому что от его мельтешения по кабинету моя и без того большая голова стала просто чугунным колоколом, в котором каждое его слово отзывалось глухим эхом. Взгляд, которым одарил меня шеф, красноречиво мне сказал, что дипломатия – это не мое, а так же куда я могу засунуть себе свое мнение.

– В общем, так, Чудинов, на тебя вечно твои стажеры жаловались, что ты им ни сна, ни отдыха, ни пожрать, ни поспать не даешь и загоняешь до полусмерти! Так вот ты мне с этой дамочкой тот же фокус проверни! Везде таскай: и на выезды на трупы по ночам, и на поквартирные обходы, и в СИЗО на допросы, и в долбаные засады, чтобы ей не казалось, что у нас тут Дисней-лэнд. Я знаю, как ты пашешь с утра до ночи, только за это твой характер гадский и терплю, вот и ее заставляй. Посмотрим, через сколько она сама ныть начнет. Никаких поблажек и джентльменства, мать его! Не приведи бог, никаких похвал и упоминания о заслугах ни устно, ни в отчетах, даже если они как-то случатся! Ничего, что могло кому бы то ни было внушить и намек, что идея с этим их внедрением может быть удачной и полезной! Нам такого добра и даром не надо! Пусть убедятся в тупости этой своей затеи, обратно забирают и в другом месте с этими блаженными играют. У руководителей других отделов такой же настрой, так что мы будем не одиноки! Надо эту инициативу сверху в зародыше придушить! – говоря это, Семеныч изобразил весьма эмоциональный жест, будто и правда остро желал угробить кого-то наложением своих здоровых лапищ. – Столько лет жили и работали без всяких там... а тут они... да пошли они...

Толкая пламенную речь, шеф сам себя кочегарил все больше и под конец перешел на почти невнятные матерные восклицания, выражающие лишь одну мысль – видеть тут Владу он, мягко говоря, не желает, и мне следует сделать так, чтобы ее присутствие и участие в процессе расследований не только оказалось бесполезным, но и сама она захотела сбежать как можно быстрее. В принципе, это не расходилось с моим первоначальным желанием сбегать ее со своей шеи побыстрее, вот только чего шеф так пенился? Такое ощущение, что вопрос как можно быстрее сожрать госпожу экстрасенса стал для него делом глубоко личным.

– Чудинов! – повысил голос шеф, видимо заметив, что я его не особо слушаю. – Не избавишься от этой бабы, я избавлюсь от тебя! За тобой косяков хватает, так что особого труда не составит! И обратно в органы ты черта с двастроишься! Разве что будешь участковым по району бегать!

А вот это уже интересные новости! Еще как-то мог посочувствовать его нервному состоянию до сих пор, хотя и не вижу причины так реагировать, но эта тупая попытка шантажа уничтожила на корню все мое понимание.

– Могу быть свободен? – поднялся, буквально прикусывая язык, чтобы не ответить резко.

– Ты на меня глазами тут не сверкай, Чудинов! – погрозил шеф мне пальцем. – Вам, молодым, не понять! Я всю жизнь в органах и еще помню те времена, когда мы таких, как эта Влада, сажали за мошенничество, а не на работу брали и себе равными считали! И пока я тут начальник, таких, как она, здесь не будет! Впрямую, может, я действовать и не могу, но если ты ее не выживешь, я найду на твое место другого! Так что давай, делай, что хочешь, но после срока испытательного духу тут ее быть не должно. А если раньше, то я тебе премию выпишу!

Я ушел из кабинета, бормоча себе под нос, куда он может засунуть свою долбаную премию.

Глава 6

Вернувшись в кабинет, я позволил себе немного попсиховать, не стесняясь в выражениях, под флегматичным взглядом уже немного привыкшего к моему характеру Василия. Он не стал уточнять, что же меня так вывело из себя – тут и коню понятно, знал же, что к начальству иду. Сцепив руки на затылке и вытянув свои длинные ноги в потертых джинсах, он сидел, откинувшись и невозмутимо дожидаясь, пока я просто выдохнусь. Не девицы же мы, чтобы начать сочувственно вздыхать и охать. Тем более что сейчас мне все равно было не вариант объяснить, что же меня так злит. Ну, имеет нас начальство регулярно и по-всякому, так за столько лет уже втянулся, можно сказать, почти удовольствие получаю. Но одно дело – тебя и понятно за что, а другое – когда с твоей помощью пытаются кого-то. Это уже какое-то, мать его, извращение! А я парень простой, если и трахаю все, что движется, то сугубо традиционно! Не хрен меня использовать как гребанный инструмент в чужих играх!

– Я нашел тут главного идейного, так сказать, гуру росписи по телу в нашей местности, – сообщил помощник, когда я плюхнулся на свой скрипучий стул. – Аристарх Гомон. Смотреть будешь? Тут есть на что.

– Это тебе любая голая задница в радость, малыш. А я каких только не навидался! – съязвил, однако, поднимаясь и переходя так, чтобы встать у него за плечом.

– Хм. Даже не сомневаюсь, что повидал, – в тон мне ответил парень и пригнул голову, уклоняясь от подзатыльника. – Я тут покопался, так-то ничем особо выдающимся и гениальным в мире искусства этот дядечка не прославился.

– Ну, ясное дело, кто ж его великим при жизни-то признает! – проворчал я, шурясь в экран, заполненный фотографиями голых тел в разнообразных позах, расписанных в такой цветовой гамме, что даже вкус такого бездаря и чайника, как я, готов был сдохнуть, предварительно облевавшись. – Пусть сначала ласты склеит, чтобы все уж точно знали, что больше никакой высокохудожественной херни не наваяет. Вот тогда каждая его мазня шедевром и станет.

Василий мой комментарий проигнорировал и продолжил:

– Широко известен господин Гомон именно благодаря своей студии боди-арта «Обнаженная душа». – М-дя, название явно не очень подходило, лучше бы «Галереей голых задниц» обозвался. – Набрал молоденьких моделей обоих полов из глубинки и устраивает в большинстве своем закрытые показы для граждан с толстой мошной. На форумах имеются упоминания, что одними показами и перфомансами дело не ограничивается. Некоторые почти напрямую называют Гомона сводником и сутенером с, так сказать, эстетическим уклоном. Причем пользуется эта его студия повышенным спросом.

– Это, типа, новая услуга в сфере эротических услуг – «раскрась на свой вкус и поимей»? – фыркнул я, опираясь на спинку его стула.

– Видимо, что-то вроде того, – кивнул Василий, показывая мне новые фото, где обнаженные женщины и мужчины то валялись на асфальте с какими-то плакатами и надписями в интересных местах, то выстраивали из себя же причудливые фигуры. – Также его студия весьма охотно устраивает обнаженные акции протеста, само собой, тоже не на общественных началах, а хорошо заплаченные.

На последнем фото вообще явно занимались групповухой, причем прямо средь бела дня на улице. Кажется, я даже помню шум про это в новостях. Они чего-то там символизировали этой эстетической похабенью или протестовали. Понятное дело, что я сам ни разу не образец высокой морали и стыдливости, но такое было для меня перебором. Чем добровольно занимаются взрослые люди за закрытыми дверями, не важно, наедине или массово, это их сугубо личное дело. Но, черт возьми, по улицам дети ходят и просто люди, которые подобное видеть

не хотят. И тех, кто платил за эти акции, тоже не понимаю. За что бы они там ни боролись и к чему бы ни призывали таким образом, разве люди запомнят что-то, кроме бесформенной кучи раскрашенных, беспорядочно трахающих друг друга тел? Не верю я в вопли о том, что только такое ударное воздействие на низменную часть человеческой природы способно заставить прислушаться. Ну, или, может, я ханжа и примитивно мыслящий тип, если отвлеченные разговоры – это последнее, что я предпочитаю, когда уж решаю раздеться?

– Млять, а чего его до сих пор не прикрыли на хрен? – нахмурился я, рассматривая через плечо Василия сменяющиеся картинки на мониторе.

– Ну, у него модели все совершеннолетние, у всех хитро составленные договоры, да и научены они правильно отвечать во время административных задержаний за нарушение общественного порядка, – пожал плечами парень. – Каждый раз, когда пахнет жареным, они, типа, сами по себе активные граждане, а Гомон с его студией весь в белом, с нимбом на голове. К тому же сам понимаешь, что наши чинуши тоже не брезгают пикантными развлечениями с разрисованными мальчиками и девочками, а значит, прикрывают зад этому мазилке, если он загорается.

Вот уж точно. Среди власть имущих всегда были и будут извращенцы и сластолюбцы, покрывающие вещи страшнее и омерзительнее, чем этот радужный бордель и его создатель. Конечно, открыто никто из них не признается, что любит на досуге раскрасить чьи-то сиськи или член, а потом поиметь или подставиться, но сунься я официально в такой гадюшник от искусства, и дадут сверху такого пендаля, что сердце через рот выскочит.

– Понимаю. Думаешь, нам есть смысл к нему соваться? Таким, как он, стоит корочки показать, тут же вопить начнет о нарушении его прав и свобод, не говоря уже о вызове в контору, – скривился я. – Может, скрытое наблюдение за ним будет надежнее?

– Ну, мы можем поступить тоньше, сыграть на самолюбии, оно обычно у таких персонажей нереальных размеров.

– Типа, предложить ему быть консультантом и посвятить нас, лишенных художественного видения профанов, в тонкие сферы творчества?

– Ну, чем не вариант, – вздохнув, пожал плечами Василий.

– А если кто-то из его окружения и есть наш маньяк, то в каком направлении мы копаем, станет ему моментально известно, и он затаится, – размышляя, клацнул чайником, хотя сейчас предпочел бы банку пива вместо кружки чая. Но мы не всегда получаем, что хотим. – Такие не останавливаются сами. Но затаиться может, а может, и наоборот – активизироваться. Я почти уверен, что он неспроста оставляет жертвы так, чтобы их нашли как можно скорее. Возможно, узнав, что мы пришли искать его именно в студии, он возомнит, что мы признали в нем художника, и как-то обозначится.

– Обозначиться он может новым трупом, – потер лоб Василий, и я не мог с ним не согласиться.

– Это да. Слушай, Васек, а может, ты Гомону этому в модели подашься? – фыркнул я. – Разнюхаешь все изнутри?

– Куда мне – угловатому и нескладному. Это уж лучше тебе. Будешь у дамочек состоятельных в возрасте нарасхват, особенно как раскрасят. В горошек, например! – Парень, сдерживая хихиканье, прикусил губу.

– Не, мне нельзя! У меня в рабочее время не встает! Только сугубо после! Так что я там буду профнепригодным. Да и староват я, и грудь брить не согласный, – засмеялся я, швыряя в него ручкой.

– Ладно, если серьезно, то давай адрес этой студии, я господину Гомону нанесу визит вежливости, а потом посмотрим. И что, он единственный, кто этим занимается у нас?

– Да нет, но все остальные или его ученики, или крутятся рядышком. На самом деле все равно одна компашка. – Василий застучал по клавишам. – Я тебе весь список распечатаю. В

принципе, не так и много их. Господин Гомон, типа, монополист, остальные не выдерживают конкуренцию с его размахом.

– Ученики... мля, – пробормотал я, помешивая чай. – Такому еще и учат, оказывается!

– Конечно, учат, ничего-то ты не понимаешь в колбасных обрезках, Антон!

– Понимающий, пей чай, если хочешь, и сейчас поедем опять поквартирный обход проводить, проверять утверждение нашей госпожи Влады о виновности мадам Сысоевой, – отхлебнул, обжигая язык.

Василий неожиданно просиял и уставился на меня так, словно я его долбаный герой.

– Ты чего? – прищурился я подозрительно.

– Ничего, – замотал он головой с растрепанной рыжей шевелюрой. – Просто... думал, тебя долго убеждать придется в том, что Влада права.

– Эй! Я не считаю, что она права, ясно? И ты этого знать не можешь! И не вздумай такое где-то ляпнуть. – Тут же все мое напряжение вернулось. – Мы просто будем проверять одну из версий, потому что в этом и состоит наша работа. Ясно?

– Конечно. Как скажешь, – парень закивал, не встречаясь со мной взглядом, но продолжая довольно скалиться.

Вот ведь придурок. Умный, продвинутый, но придурок! Надо с этой Владой поговорить по-взрослому. Не фиг такому парню толковому мозги пудрить этими своими...

Часа три часа спустя я вышел из последнего подъезда дома напротив того, в котором жили Сысоевы, и уселся на лавочку, чувствуя, как опять в башке разбушевался чокнутый дятел, да и ноги отваливались. Опрос ни черта не дал. Кто-то вообще дверь нормально не открыл, пролаяв через цепочку: «Ничо не знаю, никуда не летаю». Девяносто процентов вообще не знали в лицо не только эту беременную истеричку, но и даже нашу жертву, хотя он прожил тут черт-те сколько лет. Стремительно проходят времена, когда люди были гораздо больше в курсе событий происходящих у соседей, нежели в собственном доме в их отсутствие. Сидят в своих закутках, уткнувшись в телек, шмыгают туда-сюда на работу и обратно, и дела им нет до окружающих. Кто помоложе, те вообще ничего кроме своих гаджетов не видят. Где же моя любимая категория населения, зовущаяся бабульки всевидящие? Неужели стремительно вымирают как вид? Тогда и правда скоро преступников придется ловить по указке экстрасенсов, а не опираясь на факты и свидетельские показания, потому что этих самых свидетелей гребаных просто не сыщешь.

Рядом с протяжным стоном плюхнулся Василий. Я искоса глянул на его мрачную физиономию, и необходимость спрашивать о результатах отпала сама собой.

– Вот как можно быть такими похеристами? – не выдержал он спустя пару минут. – Говоришь, у вас по соседству человека завалили, а у них только ужин остывающий на уме!

Эх, Васек, поработаешь с мое и, если повезет, обтешешься и поумнееешь, и удивляться столь искренне человеческой натуре перестанешь. Или нет. Вот мне бы давно пора, но, однако же, равнодушие человеческое иногда выбешивает так, что едва сдержаться могу. При упоминании того, что кого-то совсем рядом ждет горячая еда в уютной обстановке, мой желудок решил о себе напомнить настойчиво и громко. Хочу котлет. Или борща. Домашнего, не столовского. И можно даже прямо тут на холодной лавке, хрен с ним, с уютом!

– Нет, ну а чего ты хочешь, Васек? – усмехнулся я, почесав живот. – Вот ты разве прекрасно знаешь своих соседей и в курсе, чем они живут?

– Ну... у нас работа много времени занимает, – неуверенно пробухтел он.

– Фигня. Сам знаешь, что это отмазки. Тебе неинтересно. И мне неинтересно. И все такие.

Надо домой ехать. Дурная это была идея с повторным опросом. Если и сразу-то никто ничего не вспомнил, то спустя два дня вероятность в разы меньше. Разве что случится чудо.

– Мужики, спасите жизнь человеку, – раздался сильный невнятный голос. – Трубы горят, помираю.

– Сейчас наряд вызову, они тебя на сутки запрут в обезьянник, вот и будет тебе помощь в борьбе с хронической интоксикацией, – пригрозил, глянув через плечо.

Там стоял персонаж: тип – алкаш классический, традиционный, небритый, помятый и вонючий, с сигаретой в трясущихся руках. Клетчатая рубашка застегнута криво, растянутые на коленях дырявые треники и шлепки на босу ногу. М-дя, похоже, тип уверенно отбирает у Влады первое место по неуместности обуви.

– Мент, – недовольно проворчал он, старательно фокусируя на нас взгляд, и уточнил: – Два.

– Тундра отсталая, – с усмешкой ответил Василий. – Мы ж теперь копы!

Мужик помялся возле нас, его мозг явно скрипел, решая, что лучше – свалить от нас от греха подальше или остаться и продолжить интеллектуальную беседу.

– А чё я сделал-то? – наконец просипел он. – За что меня в обезьянник?

– За то, что убийцу покрываешь. Знаешь и молчишь! – угрожающим замогильным голосом провещал Василий, и я фыркнул, толкая его в плечо. Шутник хренов.

– Чего-о-о? Кого это я покрываю? Чё шьете мне, чего и близко нет? – дальше последовал целый поток излияний в том же духе, причем лишь процентов десять слов там было печатными.

– Заткнись! – рывкнул я. И так голова трещит нещадно, да и жрать охота зверски, а он тут разоряется. – Фото посмотри и вали, пока при памяти!

Василий поднялся, и они отошли на пару метров под фонарь, освещающий вход в подъезд.

– Знаешь ее? – спросил он алкаша, открывая папку.

Тот уставился на фотографию, всячески изображая острое желание помочь на своей помятой физиономии и почесывая заросший седеющей щетиной подбородок.

– Не знаю, – наконец родил он. В принципе, я другого и не ожидал. Кого он вообще мог бы видеть или узнать, если вечно глаза залиты! Вот если бы мадам Сысоева дефилировала по району, раздавая халявную водку, вот тогда бы он ее запомнил на веки вечные и к лику святых бы еще причислил.

– Знать не знаю, но видел раз, – прогундел он, но, если честно, я был готов отмахнуться. Сейчас наплетет сказок.

– И когда же ты ее видел? – оживился Василий. Наивный.

– Так дня два... или три назад. Вечером. Мы с Колькой бухали в гаражах, топливо кончилось, решили пойти к магазину счастья попытать, мир-то не без добрых людей. Выворачиваем, значит за угол, а тут она. Дура, вообще! Стоит, вжавшись в щель между двумя стенками, а как нас увидела, прямо отскочила. Мы с Кольком офигели. Может, ей приспичило, но чего туда-то лезть? Там расстояние сантиметров двадцать, хоть тресни – не протиснешься. Если так прижало, дальше там полно мест, где можно того... Или вообще никуда не лезть. Там в такое время и не бывает-то никого! Главню, ночь почти, а она в таком месте шарахается. Ну как есть дура. И бешеная к тому же! Колька галантно предложил ее проводить за пожертвование на бутылку. А она нас обложила так, что рты пораскрывались. На вид такая приличная барышня, а как заорала, так мегера мегерой! И за что? Мы к ней со всей душой, а она...

Мы с Василием переглянулись.

– Как звать? – прищурился я.

– Ее? – вытаращился пьянчуга.

– Тебя, гений!

– Так Александр я. Как Македонский, – гордо распрямился помятый персонаж, и я едва не заржал, а Василий не сдержался и уткнулся в кулак, давясь смехом.

– Значит так, Македонский, будет тебе бутылка, если ты нам прямо сейчас точно покажешь, между каких гаражей эта дамочка щемилась, и дашь адрес своего Кольки и подробные показания, – о процедуре опознания я пока умолчал.

– Показа-а-ания, – тоскливо протянул наш неожиданный свидетель, поглядывая на выход со двора, где, видимо, располагался вождеденный магазин. – С другой стороны... Только Кольке про бутылку не говорите!

Спустя минут пятнадцать петляния по дворам мы оказались в целом лабиринте из кое-как натыканых ракушек и даже кирпичных строений. Как это у местных властей до этого стихийного гаражного кооператива руки не дошли. Хотя дошли. На воротах почти всех были прикреплены объявления о сносе или обрывки о них. Причем, если верить бумажкам с печатью управы, случиться сие эпичное событие должно было еще вчера. Ну, как все у нас.

– Вот тут она терлась, – указал он на два железных бокса, между которыми и правда можно было едва руку просунуть.

Я достал маленький, но мощный фонарик, который вечно таскал в кармане, и направил луч в щель между стенами. Мусор, пластиковые и битые стеклянные бутылки, листья, трава и в глубине, похоже, именно то, что мы ищем. Сверток с подозрительными пятнами. То ли грубая ткань, то ли бумага. Ну что, мадам Сысоева, приехали? И почему все считают, что они безумно гениально замечают следы? Статистика показывает, что в процентах семидесяти случаев попадают на ерунду или случайности, но это никого ничему не учит. Я же просто уверен, что это не случайности, а закономерности, иначе не ловил бы преступников снова и снова. Всегда что-то бывает. С другой стороны, так не хочется признавать, что в этот раз случайность-закономерность имеет совершенно определенное женское лицо. Желудок опять завел свою тоскливую песню. Эх, опять я без ужина, да и спать хрен знает, когда повезет лечь.

– Васек, вызывай МЧС-совцев с их приспособами. Надо выгашить нашу улику, – командовал я, набирая дежурного эксперта. – И организуй нам владельца гаража, вдруг этот гроб железный убирать придется, и понятых заодно. А сознательный товарищ Македонский тебе поможет, потому как местный.

– А пол-литра? – заныл наш ценный свидетель. – Скоро же десять вечера! Не продадут пол-литры, а?

– Спокойно, Саня! – бодро заверил я страдальца. – Нам всегда продадут. Мы ради тебя прям пойдем на должностное преступление, ага. Но в твоих интересах оказать посильную, а главное – быструю помощь Василию.

– Может, завтра все? – без особой надежды вздохнул мой помощник.

– Да легко, если только ты останешься тут дежурить всю ночь! – огрызнулся я. – Есть такое желание?

– А если мы всех на уши поднимем, а это окажется не то? – возразил Василий, набирая номер. – Вдруг это какой-то хлам?

– Тогда мы скажем, что во всем виноват Александр. Который Македонский.

Глава 7

В добытом из щели между гаражами свертке оказалось именно то, что я думал. Дорогой кухонный нож из качественной стали с длинным узким лезвием и удобной рукоятью из дерева. Похоже, совершенно новый и использованный лишь единожды – чтобы отправить на тот свет господина Сысоева-старшего. Естественно, что обычный охотничий был бы надежнее, но если все это и правда дело рук мадам Сысоевой, то беременную даму могли и запомнить в специализированном магазине. На самом деле, выбор способа убийства не совсем обычный для женщины. Ладно бы еще в состоянии аффекта, во время скандала или защищаясь, схватила первое, что под руку попало. Но здесь ведь речь об этом не шла. И не только исходя из обвинений госпожи Влады, конечно. Человек не создает себе алиби, убеждая всех вокруг, что он находится в момент преступления в другом городе, если собирается лишь бурно выяснить отношения, а не поставить последнюю точку в беседе, ткнув под ребра ножом. И тут опять же у меня возникал вопрос. Если не умеешь обращаться с ножом, то убить с двух ударов человека, причем наверняка, не так уж и легко. Тем более таким орудием, как бытовой кухонный нож. Это только в кино как не хрен делают попадают в сердце, и жертва помирает, даже не пикнув. В реальности все сложнее, и для удачного исхода требуется либо везение, либо специфические умения. Если при неточном ударе нож, скажем, наткнется на ребро, то глубоко порезанные пальцы и ладонь самому нападающему просто гарантированы. Я старался припомнить, видел ли на руках истерички повреждения, но без толку. И, в конце концов, пострадавший вряд ли стоит, предоставляя лучшую возможность разобраться в особенностях анатомии, прицелиться и порезать себя максимально эффективно. Такому здоровенному медведю, как убиенный, стоило один раз отмахнуться от этой пигалицы, своей невестки, чтобы вырубить. Само собой, затыкать наугад можно кого угодно, но в деле мы имеем два точных удара: в бедренную артерию и снизу в печень, от которых Сысоев истек кровью в считанные минуты, и даже его криков о помощи никто не услышал! И это вечером, не слишком поздним, на площадке собственной лестницы и при наличии целой компании веселящихся друзей сразу за дверью. Короче, наша беременная дамочка с ангельским личиком предположительно не только прекрасно владеет ножом, но и обладает изрядной степенью хладнокровия, самообладания и ловкости, чтобы дожидаться, когда родственничек выйдет покурить, и быстро, без суеты и лишних телодвижений замочить его и уйти, как ни в чем не бывало. И привычки его тоже она должна была знать до мелочей. Возможно, простояла на лестнице не один час, и ни одна зараза ее не заметила или не захотела запомнить, что, опять же, возвращает меня к мыслям о том, какие мы стали чуткие и внимательные. Ну да хрен с ним.

Вручив улику экспертам по всем правилам, я подвез Василия до дому, благо по дороге, и сам, добравшись и быстро приняв душ, рухнул, пользуясь возможностью поспать хоть несколько часов. На секунду промелькнула мысль, каким эпичным скандалом обернется процедура откатывания пальцев у этой дамочки, если даже по поводу простого опроса поднялся такой ор, но я от нее отмахнулся. Будет день, будут и вопли, разберусь, когда все начнет происходить.

– Сделай что-нибудь! Сделай! Ты же можешь! – Родное лицо, которое так давно вижу лишь во сне и издали, украдкой.

Тревога и гнев безжалостно берут за горло, и чувство вины заглядывает в душу, подкрадываясь так близко, что кожу колет его ледяными шипами. Я знаю, помню разумом, что его не должно быть, но удушливому стыду плевать на доводы адекватно мыслящей половины, он их игнорирует, втягивая меня в пространство, где он полноправный властелин.

– Пожалуйста, спаси его, он же твой брат! Твой бра-а-аг! – За мольбой в самых любимых в мире глазах прячутся отчаяние и гнев.

– Я не могу... Так нельзя! – Даже во сне я помню, что прав. Но от этого нисколько не легче.

– Ненавижу тебя! Это ты во всем виноват! – Ярость и презрение вырываются наружу, хлещут меня без всякой жалости, наотмашь, намеренно бьют по самым уязвимым местам, и я просто позволяю шквалу боли течь через себя, потому что противопоставить ей мне нечего. – У меня больше нет детей! Слышишь! Нет! Нет! Как ты мог! Твоя вина! Твоя вина! Ты его убил!

Под истошный писк будильника трясущимися руками продрал глаза, благодарный этому мерзкому звуку за избавление от мутной пелены кошмара. Давно меня так не накрывало! Хотя, может, это потому, что я редко сплю один и достаточно крепко. Всегда знал, что от воздержания ничего, кроме вреда, и вот, поглядите, прямое этому подтверждение. Ругаясь, потянулся к вопящему по кругу гаджету и вырубил сигнал. И тут же увидел конвертик в углу экрана. Меня ожидало сообщение от дежурного эксперта Стаса Разяева: «Позвони мне!» Это может быть либо очень хорошо, либо реально хреново. Гадать я не люблю и поэтому набрал его, не поднимаясь и щурясь в экран одним глазом.

– Утра! – невнятно прохрипел, вытирая холодный пот с лица краем простыни.

– Это тебе, Чудо, утро, а мне сейчас будет спокойной ночи, – не слишком жизнерадостно отозвались на той стороне.

– Ты меня просил позвонить, чтобы колыбельную тебе спел?

– А как же! Меня же без твоего волшебного каркающего голоса бессонница замучает! – фыркнул в ответ Стас. – Ладно, к делу. Кровь на ноже твоего клиента. Отпечаток один нашли четкий, остальные смазаны. Пробил по базе. Нашлось совпадение.

– Да ладно? – Я сразу аж совсем проснулся и сел. Значит, все-таки промахнулась Влада! Если отпечатки в базе, значит, у убийцы криминальное прошлое.

– Я вот все думаю, тебе, Чудо, просто патологически везет большинство дел на раз шелкать, или ты душу дьяволу продал за эту способность? – сделал лирическое отступление Стас.

– Ты это о чем?

– О том, что ты мне магарыч торчишь! Иди прямо к прокурору за ордером на арест, потому как пальчики принадлежат некой гражданке Софье Титовой, в замужестве Сысоевой. У милой девушки было до хрена приводов по малолетству! Причем статьи-то все тяжелые. Угрозы, вымогательство и жесточайшие избиения ровесников еще в школе. Ее даже в нападении, приведшему к летальному исходу, обвиняли. С использованием, минуточку, ножа! Но мама у нее сама тогда в органах работала и дочь непутевую отмазывала. Убеждала судей, что ее ангелочек попадала под влияние плохих парней, ее принуждали, а в случае со смертельным исходом вообще, типа, имел место факт чистой самозащиты, и девочка – сама жертва, а не агрессор! И даже, кстати, добивалась, чтобы по достижению девицей совершеннолетия все доки по приводам были аннулированы, и даже отпечатки изъяты. Вот только хрен у нее получилось. Что в базу попало, то там и осталось.

– Вот оно что, не ошиблась, значит, – пробормотал я себе под нос. Прямо не мадам Сысоева, а долбаная шкатулка Пандоры. Хотя не сказать, чтобы меня это прямо-таки поразило после стольких лет работы в убойном.

– Что говоришь? – не расслышал моего бубнения Стас.

– Я про магарыч! Скажи, когда и где! – поменял я тему.

– Да разберемся! Документы я подготовил и дежурному оставил, так что можешь прямо с утра и действовать. Все, я отключаюсь, пока не выплыву!

– Везет же некоторым выспаться! Спасибо за оперативность, Стас!

Когда оказался наконец в кабинете, то и Василий, и госпожа Влада были уже там. Если честно, в первый момент я ее просто не узнал и, увидев высокую, стоящую спиной к двери, изящную девушку, подумал, что у Василия в кои-то веки завелась подруга, которая и решила взглянуть, где он обретается большую часть своего времени. Но когда Влада оглянулась через

плечо, встречаясь со мной глазами, ощутил этот уже знакомый эффект, будто ты с разгону влетаешь в тоннель, по которому несется густой, как ртуть, поток чужой, обжигающе холодной энергии, и мгновенно в кожу повсюду вгрызаются разряды ледяного электричества. Я уже даже задержал дыхание, ожидая, как и в первый раз, вторжения этого стылого знания о потустороннем в свой мозг, но его не последовало.

– Доброе утро... – Влада замешкалась на секунду, будто взвешивая следующее действие, и уголок ее рта приподнялся едва заметно, выдавая лишь бледный намек на улыбку. – Антон.

Так, словно по мне мазнуло ледяным прикосновением, и тут же оно улетучилось, оставляя меня странным образом разочарованным. Вроде как готовился сигануть в прорубь, весь собрался для борьбы, а оказалось, что лето, и вода как парное молоко. Никакого шока и противостояния, просто плотное ощущение ее присутствия в одном со мной пространстве. Интересно, Василий уже проболтался ей о найденном ноже, несмотря на мой запрет, и поэтому она выглядит менее мрачной, чем вчера? Прищурившись, несколько секунд поддерживал контакт наших взглядов, высматривая бесконечную черноту, что видел уже дважды, но находил только бархатность шоколадно-коричневого. Ни тепла, ни холода, просто цвет, завораживающий своей насыщенностью. Никак не представлялось возможным понять, торжествует ли Влада, даже если уже в курсе о вчерашнем, или ей глубоко плевать.

В отчетах, как и требовало начальство, о ней я не напишу ни полсловечка. Все мы с Василием, гениальные сыщики и неутомимые работяги. Чувствовал себя от этого паршиво, но с другой стороны, ну как я должен был все отразить в официальном документе? Типа, госпожа супервумен Влада при помощи своего рентгеновского (или какого там еще) зрения разглядела за невинным обликом мадам Сьисоевой жестокую стерву и чуть ли не хладнокровную серийную убийцу, которой до сих пор все сходило с рук? Хватает и того, что оба моих главных свидетеля – алкаши горемычные. Огромная удача, что Стасу удалось выделить хоть один годный отпечаток, потому как таких свидетелей любой сколько-нибудь толковый адвокат в суде порвет как тузик грелку.

Прервав свои бесполезные изыскания на поприще чтения мыслей по взгляду, я позволил себе краткое рассматривание госпожи экстрасенс. Сегодня Влада была одета в простую белую футболку и светлые джинсы, которые немного скрадывали ее худобу, пока глаз не натыкался на торчащие углы ключиц и плеч. Блин, прямо мечта нынешних модельеров, предпочитающих чистой воды вешалок, особенно если учесть тот факт, что без обвисшего до колен мешковатого свитера стала очевидна и длина ее ног. А еще, даже если бы я прямо сейчас взял бы и выколол себе глаза, вычеркнуть из памяти удивительные пропорции и гармонию всего ее тела я уже не смог бы. Можете пнуть меня за то, что никакая одежда на женщине не являлась препятствием для моего разума, чтобы абсолютно точно знать, какой она будет без нее. И то, какой я увидел Владу... черт, вот прям вообще сейчас такие мысли неуместны! Резко опустив глаза, увидел на ногах у нее несколько не элегантные и не похоже, что новые и модные, но, однако, крепкие и явно теплые ботинки и опять удивился странному чувству удовлетворения от этого несущественного факта. Но задавать себе риторический вопрос, какого черта для меня это имеет значение, уже не стал.

– Утра, Владислава! – каркнул в ответ и стал обходить, чтобы добраться до своего стола.

– Будете кофе и бутерброды? – Она жестом указала на стол, на котором уже были расставлены в кои-то веки отмытые до блеска от налета чашки и тарелка с едой. Дома я, провалявшись лишние десять минут, даже не закинул хотя бы чем-то, и при виде аккуратно нарезанного хлеба, колбасы и сыра мой желудок предательски взвыл, так что становиться в гордую позу, изображая, что жратвой меня не купишь, не имело смысла. Поэтому я только буркнул «спасибо» и кивнул, усаживаясь. Ели молча, и я себя то и дело ловил на том, как слежу за движениями ее изящных кистей. Пришла дурацкая мысль, что ей даже не нужно создавать вокруг себя нарочитый антураж и обвешиваться всякими устрашающими перстнями-амулетами, сидеть в тем-

ной комнате, полной свечей и всякого околдованного хлама, вещать дурацким замогильным голосом и делать загадочные пассы руками. Каждое легкое движение этих длинных, тонких, почти полупрозрачных пальцев и так воспринималось как ненавязчивое плетение мистической вязи. И, похоже, главным эффектом от этого предполагаемого волшебного действия было то, что я совершенно, вот абсолютно расслабился, как будто завтракать в обществе Влады и Василия было некой обычной и даже привычной вещью. В том смысле, что перестаешь ощущать дискомфорт и анализировать каждую секунду, что делают окружающие и как они видят то, что делаешь ты.

– Какие планы на сегодня? – разрушил момент своим нетерпением мой рыжий помощник.

Я молча зыркнул на него, продолжая жевать.

– Поеду за ордером в прокуратуру, потом навещать Гомона и еще заскочу к профессору показать фото последних вырезаний по телу, – нехотя пробурчал я.

– А что, сегодня Сысоеву задерживать не будем? – Вот же язык у кого-то как помело.

Я краем глаза следил за реакцией Влады. Но она будто и не слышала сказанного Василием. Так, словно до подтверждения факта собственной правоты ей вообще не было никакого дела.

– А чего нам за ней сегодня-то переться? Куда она уже денется? Завтра прямо во время допроса и предъявим ордер, типа, сюрприз будет, – хмыкнул, вытирая руки и отряхивая брюки.

– Она беременная, могут же и выпустить до суда, счесть смягчающим и все такое, – вздохнул Василий.

– Ну, это как бы уже не нашего ума дела, Васек. Наше состоит в сборе максимально доказательной железобетонной базы, а дальше это уже пусть прокурор с адвокатом бодаются, а судья решает.

Я поднялся и глянул на безмолвно следящую за нашей беседой Владу.

– Спасибо за завтрак! Владислава, вам как бы придется весь день таскаться со мной. Невзирая на то, есть ли у нас желание, мы приклеены друг к другу на ближайшее время! – Я бы и хотел, чтобы это звучало раздраженно или язвительно, но ничего неприятного в мысли о том, что мне придется проводить с этой женщиной большую часть своего времени, для меня не было. Даже скорее наоборот. У меня она вызывала любопытство. Может, я и не собираюсь верить полностью в ее возможности, но задать свои стопятысот вопросов определенно планировал. Может, в процессе и пойму, как это все работает.

– Васек, ты свяжись с коллегами из города, откуда родом Сысоева, и постарайся выяснить, как она добиралась сюда и как возвращалась, потому как вряд ли на автобусе, а машины у нее вроде как нет. Весьма сомнительно, что она сама об этом охотно поведает, а это важный пункт в построении всей схемы. В общем, прояви смекалку, ты это можешь, – отдавал я указания, наблюдая, как Влада надевала короткую дутую куртку, какие были весьма модными лет эдак пять-шесть назад, и чисто машинально отмечая, что вся ее одежда была довольно качественной и даже дорогой, но вот из моды уже вышла. Ладно, на эту тему потом подумаю.

– Поехали! – скомандовал, открывая для нее дверь кабинета.

Глава 8

На ведомственной парковке я нарочно притормозил, пропуская Владу вперед и внимательно за ней наблюдая. Глупость, признаю, но ничего не мог с собой поделать. Пройдя несколько шагов, женщина остановилась, озираясь. Я же продолжал мешкать, и не думая указывать ей направление.

– Антон, если вы ожидаете, что я как-то по волшебству догадаюсь, какая из машин ваша, то напрасно, – обернувшись, сказала она.

– Что, на такое ваши способности не заточены? – Если я и чувствовал легкое смущение от того, что она легко срисовала мою почти детскую выходку, то виду подавать не собирался.

– Нет, к сожалению. Я не вижу связи между предметами и их бывшими или нынешними владельцами, – пожалала она худенькими плечами, но тон не был извиняющимся.

– А жаль. Полезная была бы способность, – ляпнул я не подумавши и тут же захотел извиниться, наблюдая, как помрачнело лицо Влады.

– Вот тут вы правы, – пробормотала она. – Я бы свои способности на что угодно не глядя бы поменяла.

Мы молча уселись в мою старушку и выехали с парковки.

– Антон, если вас интересует, что я могу, а чего нет, вы просто спросите, – разбавила тишину Влада.

– А может, я легких путей не ищу, – усмехнулся я.

– Ну, судя по вашему месту работы и отношению к ней, это и так понятно.

– Вот как? А что же вам еще обо мне понятно?

– Не так уж и много. Я ведь вас второй раз всего вижу. Понятно только, что вы одиноки, и это не ваш выбор, хоть вы и стараетесь всем показать, что это именно так.

– Ой, да ладно! Вот прямо так глянули и развенчали мой образ одинокого волка сходу! – насмешливо огрызнулся в ответ, даже не понимая, почему опять злюсь.

– Ну, если уж и проводить параллели с животными, то вы не волк. Вы, уж простите, больше похожи на пса, которого бросили, – Влада задумчиво смотрела перед собой сквозь лобовое стекло. – Знаете, дачники иногда так поступают. Заводят собаку на лето, она привязывается и верит, что это навсегда, а потом лето заканчивается, и они уезжают. А пес так и остается там, на том крыльце, любит и ждет, несет службу и никак не может поверить, что больше не нужен. Может, я, конечно, утрирую или вообще ошибаюсь. Но мне кажется, что быть с теми, кто в вашем сердце, вы не можете, а привязываться и подпускать ближе еще кого-то ни за что не согласны.

Дурацкий разговор, свернувший не в ту степь!

– Нет, видно, читать людей тоже не ваша способность, госпожа экстрасенс, – заставил я себя фальшиво рассмеяться. – Все, что сказали, точно не про меня. И мы приехали. Но на обратном пути поговорим уже о вас!

– Простите, – смущенно пробормотала Влада, выбираясь из машины.

– За что простить? За пса? Так это вы еще меня приласкали! Обычно женщины козлом и кобелем зовут, – покачал я головой, стараясь свернуть тему.

– Не за пса. За бестактность, – очень тихо ответила женщина, идя к крыльцу галереи Гомона позади меня.

Первым, что мы увидели, едва переступив порог, это две огромные, больше человеческого роста картины, висящие на стенах строго друг напротив друга. На обеих были изображены гигантских размеров мужские половые органы неестественных цветов.

– Херасе, – пробормотал я, глядя на реалистично прорисованный двухметровый лиловый стояк.

– Рады вас приветствовать в нашем оазисе преклонения перед естественной красотой человеческого тела! – прошептала высокая блондинка околomodельной внешности, одетая в некое подобие древнегреческой туники, только из ткани едва ли не тоньше и прозрачнее обычной марли. – Вы желаете ознакомиться с творчеством нашего мастера, взять несколько уроков боди-арта, или вас интересует наша общественная деятельность?

Я пробежался по ее телу взглядом и остановился на маленькой груди с торчащими сосками. Все же тут не Африка, и девчонке явно холодно. М-дя, вообще-то я предпочитаю фигуры пощеднее, чтобы в постели хоть педофилом себя не ощущать. Встретился взглядом с девицей, которая явно заметила мою задержку по пути наверх и истолковала это, видимо, как комплимент своим достоинствам. Юное личико растянулось в пошловатой улыбке, когда она попыталась изобразить сексуальную томность. Да ладно, детка, не надо так стараться! Я не богатый папик, чтобы меня обольщать, а простой мент. Да и в любом случае нахожу тебя малосъедобной, несмотря на мою широко известную всеядность.

– Нам бы с самим мастером лично повидаться, – подмигнул я девушке, не без удовольствия наблюдая, как становится кислым ее лицо при виде моего удостоверения. – А еще у меня почему-то острое желание взглянуть на ваши документы, чтобы быть уверенным, что я имею право видеть вас в подобном виде, не нарушая закон.

– Мне есть восемнадцать! – Вот оно – моментальное превращение из милого обольщающего создания в фурию, желающую сожрать твое сердце. Какие там мифические оборотни могут сравниться с женщинами в этом трюке. – И мастера нет ни для кого!

– Какая досада! Ну, мы можем тут погулять, полюбоваться на его... хм... творчество. Тем более нам надо тут вопросы позадавать, – безразлично пожал я плечами и пошел в сторону следующих закрытых дверей. За ними явно слышалась музыка, смех и даже повизгивания.

– Туда нельзя! – Тут же пулей метнулась девица, становясь у меня на пути с весьма агрессивным видом. – Там проходит частное закрытое мероприятие!

– Да я ничем не помешаю. Быстренько у всех документки проверю и все! – издевался я. Само собой, сделать это у меня права не было, но она-то не в курсе.

– Нет! Пройдите в галерею, – указала девушка на противоположную дверь, глядя теперь с нескрываемой ненавистью почему-то уже на Владу. – Я сейчас позову мастера!

– Ладно, – согласился я.

Мы прошли в просторный зал, в котором было еще больше шедевров в том же стиле, что и встретившие нас у входа. Я расположился у окна, а Влада стала медленно ходить вдоль стен, с интересом изучая все это цветное непотребство.

– Нравится? – не скрывая ехидства, спросил, когда она, наклонив голову, рассматривала очередной монструозный член радужной окраски, который и слону был бы велик.

– Форма весьма неплоха, – неожиданно в тон мне ответила она, вместо того чтобы смутиться, и бросила через плечо взгляд, который я у другой женщины счел бы раздражающим. Но у нее? Нет, вряд ли. Хотя мой член неожиданно со мной не согласился и дернулся, реагируя вполне себе однозначно. Эй, да ты сдурел? Ни в каком чертовом случае не смей рыпаться в этом направлении!

– С какой стати вы врываетесь, пугаете мой персонал и угрожаете сорвать мероприятие! – В помещение влетел низенький пузатый дядечка и напрямик направился к Владе, не сразу заметив меня у окна.

Он был упакован в нежно-розовую шелковую рубашку со свободными рукавами, которая плотно облегла его объемный живот, а на шее болтался развязанный галстук. Сам господин Гомон был раскрасневшимся и потным, как будто пробежал кросс, и гневно пыхтел.

– Да я только позвоню, и ты на пузе приползешь мне извинения приносить! – продолжал орать он, переходя на «ты». Влада неожиданно выпрямилась, оказываясь как минимум на голову выше этого творца, и гордо вскинула голову.

– Да неужели? – Женщина насмешливо приподняла бровь, и в этот момент я аж завис, залюбовавшись ее осанкой и этим чуть надменным изгибом губ и буквально кожей ощущая волны исходящей от нее неоспоримой силы. Она сейчас прямо-таки сияла вокруг Влады темным пугающим ореолом, и это опять непостижимым образом отозвалось во мне новой вспышкой возбуждения. Да какого же черта!

– Гражданин Гомон, шумите не по адресу! – окликнул я через долгих полминуты обомлевшего владельца галереи, ухмыляясь вышедшему каламбуру. Ага, представляю, как он сейчас себя ощущал.

Гомон медленно развернулся ко мне и пару секунд смотрел непонимающе, как человек, которого оглушили ударом по голове. Похоже, эффект госпожи Владиславы в действии!

– Капитан Чудинов! – представился, снова демонстрируя удостоверение. – Мы к вам вообще-то по делу, так сказать, за помощью следствию, а вы тут шумите, репрессиями грозите.

Художник покосился на Владу через плечо и поежился как от холода, когда она снова проделала этот трюк с пристальным расчленяющим взглядом. Мне тут же остро захотелось узнать, что же она рассмотрела в нем. Так, глядишь, для меня это в увлекательное времяпрепровождение превратится. Типа, игра в сравнение: что вижу я в человеке, исходя из опыта, и что она – используя свои способности. Да, похоже, еще пара дней, и я, если уж не уверю до конца, то стану воспринимать все как обыденность.

– А она? – дернул в сторону Влады головой Гомон, отказываясь, однако, встречаться взглядом. Ага, ссышь, когда страшно, крикливый? – Тоже из ваших?

– Из наших, – кивнул я. – Тоже консультант по определенным вопросам.

– Я хочу, чтобы она ушла! – К хозяину галереи стал возвращаться гонор, хотя было четко заметно, что говорить напрямую с Владой он не хочет.

– Да с удовольствием! – ответила женщина, почти с облегчением. – Антон, можно я вас в машине подожду?

Я на какой-то момент заколебался, уже собираясь настоять, чтобы она осталась, но потом увидел краткую гримасу и вдруг четко осознал одну простую вещь. Людям, в которых она видит что-то дрянное, неуютно в ее присутствии, но и ей самой рядом с ними тоже находиться не в кайф. Не зря же тогда ее так колбасило из-за Сысоевой. Поэтому просто молча протянул ключи.

Уже почти выйдя из зала, Влада обернулась и снова посмотрела на Гомона, и он буквально съежился от этого.

– Сколько бы вы ни пытались их изуродовать и испачкать, уродливей и грязнее от этого становитесь только вы. – Больше она не стала задерживаться и быстро ушла.

– Кто эта чертова стерва? – взвизгнул Гомон, как только отмер.

– Мы не разглашаем информацию о сотрудниках, – скрывая насмешку, ответил я.

– Плевать! Кто ей давал право так со мной разговаривать! Кто она, и кто я! Я все равно добыюсь...

– Может, перейдем к делу? – жестко оборвал его все нарастающие словоизлияния. Очевидно, Гомон быстро отходил от шока и собирался воплями создать иллюзию несуществующей смелости.

– Давайте, что там у вас, я, между прочим, занятой человек, – пробурчал он, явно недовольный тем, что я не досмотрел этот спектакль одного актера под названием «Я крут!» до конца.

– Я тоже не погулять вышел, – ответил, протягивая ему папку с фотографиями вырезанных на телах жертв рисунков и знаков.

Как только Гомон понял, что перед ним, его крошечные глазки стали как блюдца, а руки затряслись так, что фото разлетелись по полу.

– Это же... – придушенно пробормотал он. – Они ведь...

– Да, вы все верно поняли. Это художества с тел жертв, – сухо подтвердил, собирая фотографии.

– Но почему вы ко мне-то пришли? – Он, может, и хотел опять заорать, но горло его не слушалось.

– Ну, вы же всем известный гуру росписи по телу! – привел я довод, глядя в его побелевшее лицо и уже размышляя, не звать ли кого с нашатырем.

– Я художник! Художник, слышите! Это... это... зверство какое-то! – Сорвавшись с места, Гомон забежал по залу вдоль своих непристойных творений, размахивая руками. – Вы должны были предупредить меня, что там! Я бы ни за что не стал бы смотреть на такое! Я же теперь забыть не смогу!

– А давайте вы успокоитесь и подумаете: не мог бы кто-то из ваших учеников или... хм... клиентов сделать что-то подобное? – Я снова прислонился к подоконнику и наблюдал за бегом той разволновавшегося творца, на его взгляд, прекрасного.

– Клиентов? – резко затормозил он, злобно прищуриваясь на меня.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я, – не постеснялся добавить в голос изрядную долю металла, ибо в гробу я видел сейчас игры в оскорбленную творческую невинность. – Так что мы сейчас не будем пререкаться, а вы просто подумаете и ответите на поставленный вопрос.

Гомон практически подбежал к дверям и плотно их прикрыл, а потом так же торопливо вернулся ко мне, подойдя на некомфортно близкое расстояние. На меня пахло тошнотворной смесью кисловатого запаха его пота и приторно-сладкого парфюма, но я не отстранился.

– Послушайте... как вас там... – пробубнил он, глядя снизу вверх.

– Капитан Чудинов, – подсказал я.

– Точно! Так вот, капитан, мои, как вы выразились, клиенты – это сплошь ценители прекрасного, а не какие-то там психи-извращенцы! Все они состоятельные и весьма уважаемые люди, щедрые меценаты. – Я не смог сдержать усмешку, услышав последнее, и Гомон раздраженно поморщился, заметив мою гримасу, но продолжил: – Да, не отрицаю, у некоторых есть странные фантазии, но ничего... подобного! А что творится в головах учеников, я понятия не имею! Они платят – я учу! Чем они там живут, дышат, и что творят – мне глубоко плевать! Так что вы совершенно напрасно пришли сюда со своими фото, вопросами и этой...

Он глянул в сторону дверей, будто боялся, что Влада может в любой момент вернуться.

– Само собой, рассказывать о том, что вы сейчас назвали странными фантазиями, вы не намерены? – усмехнулся, уже точно зная ответ.

– Естественно! И поверьте, у вас нет и никогда не будет полномочий заставить меня делать это. Поэтому прошу, по-хорошему пока – уходите отсюда и не возвращайтесь. То, что вы мне тут показали, натуральный садизм, и вам стоило скорее уж в какой-нибудь тематический клуб наведаться, сейчас они расплодились, или там в местную психушку, да к черту за пазуху! Куда угодно, а не ко мне в галерею!

– Ладно. – Я уже внутренне смирился с тем, что здесь ничего не узнаю. – Возможно, я и воспользуюсь вашим советом, господин Гомон. Но сами рисунки вам ничего не напоминают? Не знаю, как это называется... типа, стиль, почерк или как там у вас художников...

– У нас, художников, для такого, что вы показали, нет названия! – снова почти сорвался на визг он. – И рассматривать тщательней я отказываюсь, и вы меня не заставьте. Всего хорошего, капитан Чудинов!

Гомон вылетел из зала, проорав по дороге: «Лидочка, проводи его!»

Когда я вернулся в машину, Влада сидела, задумчиво глядя перед собой, и на меня едва посмотрела.

– Зря потратили время? – тихо спросила она, когда я уселся.

– Ну почему же зря? Теперь у нас есть еще один желающий настроичить кляuzu, так что день прошел не впустую. – Черт, даже сам не заметил, что, говоря это, вроде как объединяю Владу и себя в некую единую команду.

– Он просто отвратительный человек, – горько вздохнув, сказала она.

– Что, тоже кого-то убил или собираетcя? – я даже не язвил, просто спросил.

– Не физически, – помолчав, ответила женщина, одарив меня немного недоверчивым взглядом. – Он ненавидит их за то, что они красивые.

– Кого? – не понял я.

– Этих мальчиков и девочек. Своих моделей и натурщиков. Он ненавидит их за то, чего никогда не было у него – за внешнее совершенство. И поэтому отчаянно старается развратить, утопить в грязи их души, пока они молоды и доверчивы. Выворачивает их наизнанку, коверкает, уродует, выжигает, делая так, чтобы ничего кроме этой внешней оболочки у них и не оставалось. А когда и она начинает стареть, и совершенство разрушается, с упоением выбрасывает, чувствуя себя при этом хоть сколько-то лучше.

– К сожалению, за это его не посадишь. – И это правда. Я действительно сожалею, что не в моих силах прикрыть этот конкретный гадюшник, как и многие другие. – Эти девочки и мальчики сами к нему приходят. Хотят веселой жизни, роскоши, подарков, праздников и восхищения тем, что им за просто так досталось от природы. Никто насильно их тут не держит.

– Возможно, вы и правы. Но этот Гомон – все равно мерзкий тип, – мотнула Влада головой.

– Вот тут у меня никаких возражений! – усмехнулся я и завел машину. – Но он мне подкинул идейку, и сейчас мы ее поедem и проверим.

Глава 9

Выехав с парковки перед галереей, мы тут же встряли в пробку на центральном проспекте. М-дя, похоже, дорога займет приличное количество времени. Что же, я ведь всегда могу использовать его с пользой.

– Итак, госпожа экстрасенс, вы обещали ответить на все мои вопросы, – покосился я на ее профиль, отметив едва заметную горбинку носа, которая, однако, нисколько не портила Владу, а наоборот – придавала общее впечатление аристократичности, что ли. Любопытно, какая гремучая смесь кровей должна быть намешана в ней? Такой контраст между темными волосами и настолько светлой, явно от природы, а не только от отсутствия загара, кожей. Почти черные глаза, чуть ли не вполлица, но при этом ни малейшего намека на кукольность или излишнюю мягкость. Губы не назовешь пухлыми, но когда она перестает их сжимать, наверняка о чем-то напряженно думая, становятся заметны их резковатые, очень красивые очертания.

Влада повернулась ко мне, лоя за пристальным рассматриванием, но я не тот парень, кто мог бы смутиться от такого. Однако все же перевел взгляд на дорогу. И это потому, что я должен следить за движением, а не из-за того, что женщина ответила мне таким же прямым, изучающим взглядом.

– Не на все, – поправила она меня. – Я обещала рассказать вам о своих способностях, но не более этого.

Ну надо же, как быстро портятся люди, пообщавшись в нашей среде. Уже так просто на откровения не раскрутишь. Ну-ну, посмотрим.

– То есть если я вас спрошу, скажем, какой у вас самый любимый цвет или что предпочитаете есть, вы будете хранить молчание? – усмехнулся я.

– А вы меня об этом спросите? – в тон мне ответила Влада.

– Нет, на это мне плевать, если честно, – отмахнулся я.

– А зря. Потому как мой любимый цвет, а точнее его отсутствие, имеет прямое отношение к тому, как я вижу окружающих, а значит, и к моим способностям.

– И как это понимать? – тут же напрягся я.

– Так и понимать. Люди, которые сами не совершили ничего дурного или кому так повезло не столкнуться с темнотой в других, для меня бесцветны. И я очень люблю смотреть на них. К сожалению, почему-то их становится все меньше. Даже среди детей они редкость.

– Ну, какая жизнь, такие и люди, – пробормотал я, перебарывая инфу. – Ну, а мы все, лишенные бесцветной невинности, для вас сияем как радуга?

– Нет. Не так. Например, все те, по чьей вине кто-то умер, для меня имеют разные оттенки в красном спектре. – Надо же, как госпожа экстрасенс деликатно обошла слово «убийцы».

– Типа, краснокожие, как индейцы? – хмыкнул я.

– Типа, как я вижу сквозь дымку или цветное стекло, не знаю уж, как объяснить поточнее, – поправила меня Влада, отзеркаливая мою интонацию. – И это совсем не похоже на просто другой оттенок кожи. Вот, например, Сысоева была для меня какой-то буро-сизо-красной. Как плоть разлагающаяся. Отвратительно.

Влада передернулась и тяжело сплотнула, как человек, желающий прогнать подступившую дурноту. Наверное, это по-настоящему мерзко, если она так среагировала, особенно памятуя, что в морге оставалась невозмутимой, как статуя. У самого при мысли об этом в желудке на мгновение образовалась какая-то тошнотворная невесомость. Естественно, меня так и подмывало спросить, какого же оттенка красного для нее я, но пока сдержался. Еще узнаю.

– Как понимаю, красный и любые его вариации не входит в число ваших любимых цветов? – уточнил, думая, как построить разговор дальше. Вызывать гадкие ассоциации и воспоминания у Влады мне не особо хотелось. Кто бы еще сказал почему.

– Нет. Видеть его постоянно очень утомляет, – она улыбнулась, как будто извиняясь, и в этот момент показалась мне совершенно беззащитной и бесконечно усталой.

– Неужели вокруг нас ходит столько убийц? – недоверчиво хмыкнул я.

– Ну... полноценных убийц, – она искоса глянула на меня и поспешила пояснить: – тех, кто совершает преступление хладнокровно, обдуманно и не испытывает и грамма раскаяния, не так и много. Но только представьте, сколько вокруг тех, кто однажды прошел мимо, не помог, закрыл глаза. Тех, из-за чьей черствости кто-то дошел до грани и убил себя. Сколько врачей, чьи пациенты умирали по их халатности. Сколько спровоцировавших несчастные случаи на дорогах, когда самих не задело, но погиб кто-другой. Список можно продолжать бесконечно. И это не говоря о тех, кто просто в мыслях сотни раз убил кого-то, внушающего особую ненависть. Скажем, сволочного начальника или бывшего возлюбленного.

– Ну, большинство этих людей нельзя считать преступниками! – возразил я и тут же сам себя поправил: – По закону.

– По закону – да. Но, к сожалению, на мою способность видеть так, как я вижу, установки и статьи Уголовного кодекса не распространяются, – вздохнула Влада.

– А это... эта способность, ее нельзя отключать по желанию, ну, или хоть иногда отгораживаться?

– Можно. Помогает алкоголь, много алкоголя и некоторые препараты. Но они еще даже хуже, чем просто напиться. Под ними становишься почти растением. И совсем не можешь защитить себя... ни от чего, – она снова поежилась, но потом тряхнула головой, словно отмахиваясь от чего-то.

Вот и скажите, кому подобную хрень пришлось в голову назвать даром? В гробу я видал такие подарочки судьбы, от которых еще и нет шанса отказаться или передарить при случае.

– И что, наша доблестная медицина не в состоянии предложить ничего, кроме как нажираться до потери пульса или задурять голову наркотой? – я не смог скрыть раздражения в голосе.

Влада совсем развернулась ко мне, выглядя гораздо более оживленной, чем я видел ее за это время.

– Вы меня жалеете, Антон? – спросила она непонятным тоном. Я ощущал в нем сильную эмоцию, вот только, как ни странно, не мог понять – это злость или удивление. – Не стоит! Я ни в коей мере вашей жалости не заслуживаю и не хочу!

А, ну вот теперь понятно. Дамочка злится. И сильно. И ответный гнев был настолько мощным, что я не смог сдержаться.

– Госпожа экстрасенс, а давайте вы не будете мне указывать, какие чувства относительно вас мне следует испытывать, а какие не стоит?! – не постеснявшись повысить голос, огрызнулся я. – Тем более что о жалости речь не идет! Я просто желаю знать, с кем вынужден буду проводить большую часть своего времени в ближайшие недели. Понять бы: вы просто обуза для меня и раздражающая помеха или способны принести хоть какую-то пользу! Не хотелось бы таскать за собой повсюду никчемное создание, от которого мне только головная боль обеспечена!

Ладно, последнее было несправедливо, учитывая историю с Сысоевой, но вот такой у меня сволочной характер! Если я уж и пес, каким она меня окрестила, то никак не белый и пушистый пуделек, а здоровая дворняга, что может и руку отхватить, если попробовать по морде хлопнуть, указывая место! Я резко свернул в нужную улицу, едва на светофоре зажегся зеленый, ругая себя за эту вспышку и чувствуя уже не псом, а редкостным козлом. В конце концов, экстрасенс там или нет, Влада – женщина. Баба, черт возьми! Что с них взять?

– Простите, – тут же примирительно пробормотала Влада. – Просто мой... наставник говорит, что я сама виновата. Должна научиться принимать и использовать во благо все... это. Но я не могу. И не знаю, смогу ли.

– Наставник? – Вот еще один загадочный персонаж, оказывается, существует. Злость улетучилась, тут же сменяясь интересом. Честное слово, похоже, эта женщина еще долго будет оставаться источником, питающим мое природное любопытство.

– Куда мы едем? – Тон голоса Влады вдруг взлетел почти до звенящего визга, хлестко ударив по моим нервам, и я чуть не зацепил припаркованную иномарку от этой неожиданной перемены.

Глянув на нее, резко ударил по тормозам в шоке. Ехавший сзади седан возмущенно засигналил, когда я перекрыл ему въезд на парковку перед городской психбольницей.

– Почему? – До предела расширенные глаза с чернотой зрачков полностью пожравших шоколадную радужку уставились на меня. – Я ведь стараюсь! Я буду справляться! Пожалуйста, не нужно!

Я много повидал разных человеческих реакций. Страх, злобы, ненависти, отчаяния, боли от потери. Но прямо сейчас у меня волосы зашевелились от острейшей, откровенно животной паники, исказившей лицо женщины передо мной. Она пропитала все внутреннее пространство автомобиля, будто вмиг вытеснив весь воздух. Открыв рот, чтобы хоть что-то сказать, я тут же его захлопнул, потому что совершенно точно понял: говорить с кем-то в таком состоянии просто бессмысленно. Влада, еще полминуты назад бормотавшая извинения, в единое мгновение превратилась в трясущийся от ужаса сгусток плоти. Она не сводила наполненных безумным страхом глаз с дверей приемного покоя психушки, в паре десятков метров от нас, сжалась на сидении, подтягивая к себе и судорожно обхватывая колени, как будто хотела стать невидимой или врасти в него. Тонкие пальцы сцепились в замок, совершенно побелели от запредельного напряжения, и она стала раскачиваться и монотонно бормотать без остановки:

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Я с визгом развернул машину, оставляя на мокром асфальте дымный черный след, матеря на чем свет стоит Владу с ее истерикой и гребаным даром, но гораздо больше тех, кто смог сотворить с ней нечто такое, что способно в секунды превратить человека разумного и относительно адекватного во невменяемое существо. Когда отъехали на несколько кварталов, Влада стала стремительно обмякать, расслабляясь, но при этом ее зубы начали выбивать дикую дробь, и все тело колотилось, как в ознобе. Меня и самого передернуло так, словно за шиворот щедро сыпанули ледяной крошки, не забыв добавить изрядную жменью еще куда-то в район сердца.

– Какого хрена, Влада! – не сдержавшись, заорал я, треснув кулаком по рулю и опасно лавируя между машинами.

Мой вопль подействовал на нее, видимо, как приводящая в чувство оплеуха, и Влада села прямо, вскинув как раньше голову и глядя прямо перед собой. При этом во всей позе читалось одеревенение и предельная скованность, напроочь убивающая ее так удивившую меня природную грацию. Передо мной снова была та самая женщина, которую я увидел первый раз в кабинете начальника. Скованная, зажатая, несуразная, состоящая из одних острых углов и абсолютно непонятная.

– Простите меня, господин Чудинов, – лишенным каких-либо эмоций голосом произнесла она. – Я поняла смысл послания. Я должна стараться больше и быть по-настоящему полезной.

Что? Да что за на хер?

Глава 10

Влада дернула головой и скосила на меня глаза, в которых теперь без всяких вуалей полыхала отчаянная злость существа, загнанного в угол. Я нечто подобное видел однажды. Когда-то давно, в другой жизни, в которой не было беды страшнее отцовского гнева за многочисленные проделки, мы с братом ловили котенка на стройке, куда ходить нам запрещалось строго-настро́го. Маленького, чуть больше кулака. Грязного, уделанного в серую бетонную пыль настолько, что едва угадывался бело-рыжий окрас. И готового отстаивать свою свободу и жизнь неистово и остервенело, пока достанет сил в маленьком отважном сердечке.

– Да провались он! – завопил тогда Артем. – Стану тут я еще в арматуре лазить из-за него! Порвем вещи, мама нас прибьет!

Но я не был готов отступить так же легко, как он. Загнал малыша в узкое пространство, откуда ему уже было не выбраться, и протянул руку, уговаривая и обещая, что ни за что не обижу. И тогда этот крошечный рахитичный меховой шарик развернулся и стал размахивать своими игрушечными лапками со смехотворными когтями, глядя вот так же, как сейчас Влада. С безнадежной ненавистью того, кто знает, что слабее и обречен, но в душе не желает ни за что сдаваться.

Вернув внимание дороге, я быстро нашел место у обочины и, свернув, остановил и заглушил машину. Хлопнул на всякий случай по кнопке блокировки дверей, хотя женщина и не думала ломиться наружу.

– А вот теперь перестала меня испепелять глазами и нормально объяснила, какого хрена только что там было?! – очень хотелось это проорать, но я успел взять нервы под контроль.

Влада отвернулась к окну, отказываясь смотреть на меня.

– Разве мы уже на «ты»? – Ну да, как настоящая женщина она старается перевести тему с главного на вопросы субординации, но вот только черта с два это со мной сработает!

– Хотите услышать от меня легендарную фразу «Вопросы здесь задаю я?» – Влада покачала головой. – Ну, в таком случае жду вразумительных пояснений.

Ответом мне было по-прежнему молчание и вид на темноволосый затылок.

– Ла-а-а-дно, – хлопнул я по коленям спустя долгую минуту. – Я парень не гордый, начну первым. Мы ехали в городскую психиатрическую клинику, потому что меня посетила мысль показать фото тел ее руководителю, профессору Березину. Обеим нашим штатным психологиням я ни на грамм не доверяю. Потому что одна из них старше Октябрьской революции и может думать только о том, как бы дожить до пенсии. А вторая ссыкуха, дочка какой-то шишки, которую он пристроил после института, чтобы хоть чем-то занималась. Пользы от обеих – ноль. Березин же пару раз консультировал меня раньше. Я надеялся, что он усмотрит что-то в этих художествах или подскажет, или кто из его коллег нам сможет помочь. Ведь чем черт не шутит, мог же этот урод попадать в поле зрения медработников?

Пока я объяснял, в позе Влады становилось все меньше напряженности, и она медленно, совсем по чуть-чуть, поворачивалась ко мне, явно ловя каждое слово. И от этого меня самого будто попускало, и выходило говорить все более спокойно и даже монотонно.

– Как я понимаю, вы, госпожа экстрасенс, усмотрели в моих действиях некий совершенно неизвестный мне умысел, что и привело... к реакции.

Влада глубоко и прерывисто вдохнула, и бледные щеки залила краска.

– Простите меня, Антон, – пробормотала она.

– Нет уж, не надо мне тут простищать! – огрызнулся я. – Я повел себя грубо, назвав вас обузой. Извиняюсь за это.

Влада взглянула на меня недоверчиво и хотела что-то сказать, но я перебил ее:

– Очевидно, впредь, чтобы сцены вроде недавней не повторялись, мне придется объяснять вам, куда и зачем мы едем, и получать одобрение? Я так работать не привык и совру, если скажу, что хотел бы переучиваться. Поэтому нам что-то нужно с этим делать. Считаю, что имею полное право получить объяснения по поводу случившегося инцидента и сделать выводы о целесообразности дальнейшей совместной работы.

Выражение лица женщины снова неуловимо поменялось, теряя появившиеся признаки расслабленности. Она снова побледнела, и ноздри затрепетали, выдавая эмоции, а темные глаза прищурились.

– А если я не могу или не хочу ничего объяснять? – Влада посмотрела на меня прямо и даже с вызовом, демонстрируя, что, по всей видимости, полностью оклемалась от недавней истерики. И от этого меня противно обожгло мыслью, что, может, меня развели, как лоха, и все это какая-то попытка манипулирования была, а не настоящая паника? Не похоже, конечно, да и зачем, но вот такая у меня натура – во всем и всегда сомневаться. Так что ответ женщины вкупе с этим прямым взглядом опять щедро плеснул бензина в огонь моей злости, развязывая язык.

– В таком случае, считаю своим долгом и правом написать рапорт, в котором укажу, что перспектив для нашей общей работы не вижу, как, впрочем, и для вашей работы в органах вообще! – последнее уже почти рявкнул.

Влада закусила губу и опустила глаза на несколько секунд, и в этот момент в стекло с моей стороны постучал гаишник.

– Что же, господин Чудинов, видимо, вы правы, и перспектив у меня никаких нет, – тихо сказала она, пока я рылся в кармане, доставая удостоверение.

Быстро нажав кнопку разблокировки дверей, она стремительно покинула машину. Вот же зараза! Поговорили, называется!

Объясняя на русском народном навязчивому постовому, что он не к тому полез, я озираясь на полную людей улицу, но эта несносная женщина словно сквозь землю провалилась. Прекрасно, мля! Надавил, называется, получил нужную инфу! Как будто я и правда бы преподнес начальству такой подарок, как подобный рапорт на нее. Как же, пусть держат карман шире! Что за женщина такая! Других вон не заткнешь, трещат о себе и других без остановки, как радио! А у этой слова лишнего не вытянешь. И это после такой психологической встряски, когда она, по идее, должна быть вымотана и не способна ни на какую защиту в принципе. Что опять же приводит меня к мысли, была ли ее реакция настоящей, или таким образом она просто проверяла меня на вшивость. И выяснить я это был намерен немедленно, а не когда-то потом.

– Васек, а сгоняй-ка ты в отдел кадров и узнай домашний адрес нашей госпожи экстрасенс, – попросил я, набрав нужный номер и усаживаясь обратно в тачку.

– Антон, что ты сделал? – после секундной заминки спросил помощник.

– Я? – Ну хрен с ним, я перегнул немного, но это никак не его дело. – Василий, не помню, когда это я стал обязан перед тобой ответ держать. Я дал тебе поручение, и ты давай мухой его выполнять!

– Слушаюсь, – недовольно буркнул парень, и перед тем как отключиться я услышал тихое «придурок».

Конечно, у меня был телефон Алеси из отдела кадров, но я не буду ей звонить. Уж точно не для того, чтобы спросить домашний адрес Влады. Совсем неохота выслушать сначала, какой я мудака и кобель и мог бы хоть позвонить после того новогоднего сабантуя, а потом завтра слушать подколлки коллег, каждый из которых будет уже в курсе. А там и до шефа дойдет, а мне это надо?

Спустя десять минут Васек перезвонил мне и голосом, едва не похрустывающим от морозца, продиктовал адрес. Надо же, какие эмоции у салаги! Ну ничего, переживет!

Дом Влады находился в довольно престижном райончике и выглядел далеко не лачугой, а вполне себе приличным коттеджем за высоким глухим забором. Ну кто бы сомневался, что живет госпожа экстрасенс не в бараке на окраине с протекающей крышей. Нажав несколько раз на звонок, я подождал какое-то время, но никакого ответа не последовало, и во дворе было тихо. Найдя щель между листами железа, я заглянул внутрь. Странно. Двор выглядел запущенным, клумбы заросли бурьяном по пояс. Движения за окнами видно не было. Причем штор я тоже не заметил, да и, насколько мог рассмотреть, никакой мебели тоже не наблюдалось. В остальном вполне себе обычный дом, говорящий о том, что владельцы не последний кусок хлеба без соли доедают. Позвонил еще какое-то время, подергал ручку на высоченной калитке и снова глянул в щель. Теперь мне почудился мелькнувший силуэт на втором этаже. Вот значит как, открывать мы не хотим.

Завел свою старушку, шумно погазовал и, отогнав в конец улицы, оставил за углом. Быстро вернулся и довольно хмыкнул, заметив мелькающую туда-сюда знакомую фигуру. Стал озираясь, примеряясь, как бы так половчее перемахнуть через высоченный забор, чтобы потихому. Плохо, что день, я как блоха на лысине. Мало того, что эффекта неожиданности может не выйти, так еще бдительные соседи наряд могут вызвать. Это если убивают кого, у нас никто ничего не слышит и не видит, а так все начеку. В это время услышал осторожные шаги, и замок на калитке щелкнул. Она открылась, и наружу выскользнула Влада с большой дорожной сумкой в руке.

– Куда-то собрались, госпожа экстрасенс? – Она вскрикнула и выронила сумку, поворачиваясь ко мне. – М-дя, дар ваш совсем никудышный, если о моем присутствии не предупредил.

– По-вашему, у меня в голове какой-то детектор с тревожной сиреной? – огрызнулась она, приходя в себя и сжимая изящные кисти в кулаки. Я усмехнулся, представляя, как же ей, наверное, хочется мне двинуть. Причем я бы сказал, что отчасти заслуженно.

– Очевидно, что нет, – усмехнулся я и поднял сумку. Увесистая. Как еще она не переломилась под ее весом. – Помочь?

Покачал на руке, глядя ей прямо в глаза и четко давая понять, что речь совсем не об этом бауле.

– Зачем вы здесь, Антон? – тихо спросила Влада, полностью разворачиваясь и прижимаясь к забору.

– Я уже сказал.

– Вы не тот, кто может мне помочь, – покачала головой, и плечи ее бессильно опустились.

– Не попробуешь, как говорится, не узнаешь. Да и чаю хочется, аж в глотке Сахара, – театрално покашлял, изображая, что засыхаю. – Я вас своим дешевым поил. Ответите любезностью?

– Пожалуй, я рискну показаться невежливой и откажу вам. – Женщина обхватила себя руками в защитном жесте и, закусив губу, покачала головой. – У меня не так много времени сейчас. Еще меньше его станет, когда вы напишите свой рапорт.

Я аж крякнул от чувства досады и стыда за те вырвавшиеся слова угрозы.

– Слушайте, Влада. Я тогда выразился не совсем корректно. – Потому что Васька прав, и я могу быть редким придурком, ага. – Я не собираюсь писать именно то, что сказал.

– Не собираетесь сейчас или вообще? – Не нужно быть гением, чтобы прочесть подозрение в том, что я буду держать теперь знание об этом моменте ее слабости, как козырь в рукаве.

– Влада, послушайте, раз уж нам работать вместе и никуда от этого не деться, вам стоит знать: я лентяй, козел, бабник, грубиян, каких поискать, и черствая скотина, но я не стукач и не подлец. Уяснили?

Влада прямо посмотрела на меня, и я ответил открытым взглядом, стараясь игнорировать уже знакомое шокирующее чувство вскрытия моего сознания скальпелем этих расширившихся

зрачков и не закрываться от нее. Фигня, оказывается, это только в первый раз как будто автобус сбил, а потом ничего так, просто освежает. Не стал закрываться и защищаться и вдруг ощутил, что контакт этот не односторонний. Всего мгновение безмолвного откровения, и я понял, что все мои подозрения в манипуляциях, притворстве и прочей хрени – полная чушь. Причем в этот раз никакой мой проросший в кости скептицизм не подкинул мыслишку, что это какие-то экстрасенские штучки вроде гипноза или другой фигни.

– Весьма красочная характеристика, – кивнула женщина, прерывая сеанс потрошения меня. Я не смог сдержать облегченного вздоха, заметив, как изменилась ее поза, и уголок рта дрогнул в бледном подобии улыбки.

– Вы еще погодите, когда столкнетесь с кем-то из моих бывших, вот где будут краски, – буркнул в ответ, и отблеск веселья стал отчетливее. И кто бы мне сказал, почему мне самому это как бальзам на душу. Потом подумаю, а пока будем закреплять полученный результат, пока опять чего не напортачил.

– Влада, то, что я пытался надавить на вас сегодня... это, само собой, с моей стороны некрасиво, но и хоть на какие-то объяснения я имею право, раз уж стал свидетелем и причиной. – В этот раз никакого давления или требования, просьба и ничего более.

– Не вы причина, – устало прикрыла женщина глаза.

– Это уже риторика. Просто я хочу знать, чего я делать не должен, чтобы не было повторений. Такая мотивация сойдет?

Вот сказал бы мне кто еще пару дней назад, что стану я такие реверансы разводить, только для того чтобы немного забраться в голову и прошлое чужого человека, еще и женщины! Любопытство определенно когда-то меня угробит, но не сегодня же и ладно. Женщина неопределенно кивнула.

– Так что, я и чай получу? – оптимистично хлопнул я в ладоши.

– Чай – да. Об объяснениях я подумаю, – Влада распахнула калитку, приглашая меня.

Ну хоть что-то.

Глава 11

Приличных, для городского дома, размеров двор был именно таким, как я разглядел через щель – заросшим явно многолетней густой травой, в которой кое-где виднелись обрывки тускло поблескивающего целлофана и бумаги. Такое бывает в заброшенных местах, где ветер долго таскает случайный мусор, пока он не застрянет где-то намертво. Но даже сквозь это запустение было видно, что когда-то эта территория была распланирована с тщательностью и любовью. Угадывались контуры фигурных клумб и альпийской горки, или как там еще эта ландшафтная хрень зовется. Среди уже желтеющего в осень бурьяна виднелись яркими пятнами какие-то неубиваемые многолетники. Я помню, точно такие же были у бабули на даче и запомнились мне тем, что, несмотря на невзрачность, цвели до самых морозов. Шагая впереди, я ощущал между лопатками пристальный взгляд хозяйки и старался не выдавать любопытства, мучающего меня.

– Разуваться не надо, – негромко скомандовала Влада в совершенно пустой прихожей, в углу которой сиротливо притулились те самые дурацкие тряпичные балетки. – Кухня направо.

Я посмотрел на буквально сверкающие чистотой полы, поставил ее здоровенную сумку и все же снял туфли.

Пройдя по коридору, мы попали в комнату, кухней которую можно было назвать лишь условно. Такая же пустота, как и в прихожей. Но здесь была раковина, заглушенные газовые трубы на стенах и на них же щербатые следы, будто кто-то прямо с мясом выдирал всю подвесную мебель и технику. На широком подоконнике маленький электрочайник на пару чашек, явно новый и одна кружка. Там же в уголке пачка чая и упаковка печенья. Ни стола, ни стульев, вообще никакой мебели, кроме нелепо выглядящего шезлонга у окна.

Наша странная игра с Владой в «я смотрю, как ты смотришь» продолжилась.

– Присаживайтесь, Антон, – указала она в кресло, а сама пошла наполнить свой микрочайник.

Я развалился в шезлонге, но, когда женщина встала передо мной, поднялся.

– А давайте наоборот? – усмехнувшись, предложил я. – А то чувствую себя как на приеме мозгоправа в кино. Можно я на подоконнике?

Влада кивнула и продолжала пристально следить за мной, явно ожидая расспросов по поводу своего жилища. И я спросил.

– Одна живете?

– Теперь да. – Женщина обвела все вокруг взглядом, будто видела совершенно другую картину в этой пустоте.

Чайник вскипел, и я опять поймал себя на том, что неотрывно наблюдаю за тем, как она совершает обыденные вроде движения. Кладет пакетик, наливает кипяток в темно-синюю кружку с золотистым ободком, распаковывает упаковку дешевого, но вкусного печенья, ставит все передо мной на ослепительно-белый подоконник. Медленно убирает руку, и в какое-то мгновение клубящийся пар проскальзывает сквозь ее тонкие пальцы, будто притянутый к ним как магнитом, и устраивает краткий мистический танец. Я невольно качнул головой и усмехнулся. Вот же странная штука воображение. Стоит только немного позволить себе верить в то, что нечто не уместяющееся в рамки обычной для тебя реальности возможно, и уже в чем угодно чудится загадочное действие.

– Антон, насколько сильно вам не нравится мое присутствие? – спросила Влада, видимо, истолковав мою усмешку по-своему.

Я на секунду задумался и честно ответил:

– Прямо сейчас оно мне не нравится гораздо меньше, чем поначалу, – и вернул вопрос: – А вам, Влада, насколько неприятна необходимость работать с нами?

Резкий выдох, говорящий, что я попал, и женщина отвернулась к окну.

– Как вы верно подметили, это необходимость. На самом деле мне симпатичны и Василий, и вы, но очень тяжело... – она сделала руками неопределенный жест, – все, что связано с вашей работой. Очень. Это мешает мне... забыть.

Забыть. Она желает забыть то, что я бы сейчас хотел знать больше всего. Неожиданно вспомнился мой когда-то любимый фильм с Уиллом Смитом «Я – робот». Как там говорилось? Правильно задавай вопрос? А я бы еще добавил – вовремя делай это и с верной интонацией. Спрашивать напрямую не стану. Вижу, что ничего не скажет.

– Забыть по-настоящему все равно не выходит. По моему опыту, лучше некоторые вещи принимать и смиряться. Обратного хода событий не бывает, сколько себя ни мучай. Если только это не еще одна ваша суперспособность.

Даже сам не смог бы сказать – философствовал я в данный момент ни о чем, имитируя беседу с глубоким смыслом, или откровенничал. В присутствии этой женщины меня все чаще посещало ощущение двойственности всего сказанного.

– Но такой способности у меня нет, – Влада говорила об этом так, словно не сожалела, а, наоборот, была рада. – Иногда хотелось бы, как любому человеку, наверное. А у вас получилось смириться?

Долю секунды хотелось огрызнуться, спросив, при чем тут я. Но понимал, что это явно не будет способствовать продолжению диалога.

– Нет, – признался честно, – но я над этим работаю.

Станный разговор выходил. Каждый, типа, о своем, и в тоже время оба об одном и том же. И с Владой мне вести было его на удивление легко, не то что со всеми, кто за это время пытался ковырнуть в душе сочувствием, которого мне не надо. Но тему стоило поменять.

– Интересно, а убийц, которые раскаиваются, и тех, кто нет, вы по-разному видите?

– Конечно. Даже те, кто безумно сожалеет, но считает, что все равно поступил верно, отличаются от просто страдающих чувством вины, – охотно пояснила женщина.

Это намек, случайность или прямое указание на меня? Она не смотрела на меня, так что оставалось только догадываться.

– А, скажем, маньяки. С ними вам приходилось пересекаться?

Влада очень медленно положила на подоконник раскрытые ладони, будто нуждалась в опоре.

– Да, – она скривилась. – И вот рядом с ними, не важно, вменяемыми или нет, находиться вообще невыносимо.

Как часто ей приходилось делать это? По собственной ли воле? Не думаю, что так.

– Это означает, что, встретить мы его с вами на улице, вы точно скажете, маньяк ли это? – продолжал фигурное движение вокруг острых углов.

– Да. Но вот только один нюанс. Или два. Во-первых, я не скажу, убил ли он уже кого-то или только еще страдает фантазиями, и во-вторых, я не смогу сказать, это тот самый маньяк или какой-то другой.

– М-дя, – огорченно вздохнул. – Как-то по-дурацки: знать вроде бы так много, но в сухом остатке не иметь возможности кому-то что-то предъявить. Не находите?

– Тут, Антон, вопросы не ко мне, а к высшим силам, меня так озадачившим, – неожиданно улыбнулась женщина.

Да, лучше слова и не подберешь, чем озадачившим.

– Вы чай почему не пьете? – кивнула Влада на забытую мною кружку.

– Да вот просто думаю. Как бы мне подступиться к разговору с вами о дальнейшей работе.

– Вы всерьез думаете, что я смогу быть полезной? Даже после того, как видели такой, как сегодня? – Вот теперь она на меня смотрела, причем напряженно и очень внимательно, выдавая, насколько для нее было важно мое мнение в этом вопросе.

– Уверен. В любом случае бегство – это не выход для вас, – вложил в слова всю убежденность, которая у меня и взялась-то не пойми откуда, но было ее в достатке.

– Если и выход, то временный, – вздохнув, согласилась Влада. – Но и работа с вами пока постоянных перспектив мне не обещает.

– Может, и так, я ведь всего не знаю, а вы не спешите меня просветить. Я, конечно, не гений современности, но, обладай всей информацией, мог бы ориентироваться лучше. Откуда вы знаете, вдруг вы окажетесь у нас в конторе столь полезны и успешны, что эти самые перспективы разительно поменяются.

– Но я не хочу... таким заниматься.

– А я хочу? Думаете, мне это в радость? То есть я, разумеется, люблю саму мою работу, процесс, но до глубины души ненавижу тот факт, что она вообще есть. Потому что это означает, что люди продолжают убивать других людей. И игнорировать это я просто не могу. Понимаете?

– Прекрасно понимаю, Антон. – Влада теперь не только сосредоточила все внимание на мне, но и шагнула ближе. – И я тоже не могу, вот только причины у нас разные. Вы могли бы жить по-другому, но ваша совесть не позволяет. А я бы очень хотела не знать, не видеть, да только это невозможно. И если вы заслуживаете уважения из-за своей жизненной позиции, то я нет.

Нет, ну вот откуда в человеке столько категоричности и самоуничужения? Такое само собой, уж насколько знаю, не появляется. И прямо руки зачесались остаться наедине на пять минут с тем, кто возвращал подобное в этой женщине.

– Ой, вот только давайте сейчас не будем, Влада, про правильные жизненные позиции, – досадуя, отмахнулся я. – Моя совесть мне столько без проблем позволяла и позволяет, что стыдно признаться. И плевать, собственно, на изначальные причины. Дело в другом. Следующие несколько недель нам постоянно придется быть бок о бок. И неважно, что я хочу быть максимально успешным в расследовании, а вы, как понимаю, вынуждены стать таковой. Цельто, в принципе, одна. Поэтому давайте откроем карты, определим правила и ограничения и начнем уже работать, а не приноравливаться друг к другу.

Влада, прикусив нижнюю губу, глянула на меня, потом на выход из кухни, будто взвешивая, не стоит ли закончить этот разговор прямо сейчас и все же выбрать бегство. В этот момент мне тоже подумалось, что, может, так и лучше. Она уйдет, скорее всего, больше мы никогда не увидимся, и очень скоро я забуду, что вообще когда-то пересекался с этой странной женщиной. Все пойдет своим накатанным путем, станет спокойно, и не нужно скакать дрессированным пуделем вокруг совершенно чужого и непонятого человека. Но что-то в глубине души было категорически против такого хода событий, словно произойди именно так, и все будет окончательно неправильным. И не только для нее, но и для меня тоже. А я ведь эгоистичная скотина, чрезвычайно ценящая свое душевное равновесие. Ага.

– Хотите, я первым начну? – решил подтолкнуть я женщину.

– Групповая терапия открытостью? – усмехнулась Влада и оперлась бедрами о подоконник, неумовимо расслабляясь, и я выдохнул. Ее поза как сигнал – уже решила остаться, хотя бы пока.

– Всему групповому я предпочитаю парное, – ляпнул раньше, чем подумал. – Итак, Чудинов Антон Алексеевич, капитан полиции, подпольная кличка Чудо, и это не совсем из-за фамилии. 31 год, был женат аж целых полгода, в роли семейного человека оказался несостоятелен. На данный момент разведен и являюсь идейным приверженцем беспорядочных половых связей. – Поколебавшись секунду, решил, что личного достаточно на первый раз. – Восемь лет в убойном, поощрений и выговоров от начальства имею примерно поровну. В силу неуживчивого характера дальнейших перспектив для карьерного роста нет. Вашему появлению изначально был не рад и очень хотел бы избежать осложнений с этим связанными, к тому же получил четкую инструкцию от шефа избавиться любой ценой. Но, обладая природной вредностью и

упрямством, прибор я клал на эти указания, а после эпизода с Сысоевой вовсе больше не горю желанием выживать вас из отдела. По мне, все, что помогает следствию, пофиг, как и какими методами, полезно. Очень может быть, что вы просто угадали, но я готов попробовать проверить это и не считаю нужным просто отказать априори. Как-то так.

Я сделал многозначительный жест рукой, указывая, что мяч теперь на ее стороне. Влада покачала головой, и я видел одновременно и оживление, и нерешительность в ее взгляде.

– Ой, да ладно! – подначил я. – Посмотрите на меня, говорить о себе любимом – это совсем не страшно.

– Вы так думаете? Ладно, давайте посмотрим. Владислава Арифеева. – Маленькая заминка на фамилии, ставим галочку. – Двадцать девять лет. Замужем... была два года. – Еще одна галочка. – На данный момент разведена. Причина не важна.

Взгляд в сторону, гневно-болезненная складка между бровей. Процентом на девяносто причина в измене, ну да ладно, проехали.

– Пять лет назад, в результате личной трагедии, оказалась в психиатрической клинике. Была в какой-то момент признана невменяемой и не несущей ответственности за свои деяния. – Теперь уже вызывающий прищур в ожидании моей реакции. Но я не двигаюсь и молчу, просто предлагая ей закончить там и тогда, когда сама посчитает нужным. – Потом попала в правительственную программу изучения необычных человеческих способностей. На данный период времени направлена к вам. Если этот эксперимент окажется успешным, то станет моим шансом снова вести нормальную жизнь... ну, насколько это возможно. Если нет... меня вернут для дальнейшей... коррекции.

Коррекция, сука! Я что-то в этом роде и предполагал, но все равно ощущал себя стукнутым пыльным мешком по башке. И дело не в том, что все мы в курсе соблюдения прав и свобод не только в нашем государстве, но и повсюду в мире. Даже думать в эту сторону, задаваясь чисто риторическими вопросами, смысла нет.

Проблема в другом. На хрена мне все это надо? Я на полном серьезе собираюсь встрять по самое не балуйся? Похоже, что да, если продолжаю сидеть на этом подоконнике в пустой кухне, а не обуваюсь и не сваливаю от греха подальше.

– Влада, насколько сильно вы хотите эту самую нормальную жизнь? – Она буквально вспыхнула, так и загорелась надеждой, явив мне совершенно другую женщину, на которую я ошалело пялился, просто не в состоянии отвести взгляд. И пусть это длилось какое-то краткое мгновение, я уже никогда не забуду увиденное. Мне стало даже стыдно за почти равнодушный тон, которым спросил о таком.

– Очень, – выдохнула она, а я читал огромными буквами: «Больше всего на свете!»

Ну вот, дверца эмоциональной ловушки, в которую зашел добровольно, и захлопнулась. Теперь-то я не отступлюсь. Нет у меня просто такой долбаной функции в организме.

Глава 12

Что же, умерла так умерла, как говорится. Решив идти в эту сторону, вилять и пытаться повернуть назад я не собираюсь. Не то чтобы это прямо дело принципа какого-то, просто вот такой я баран, что будет долбиться в ворота, пока они не откроются так или иначе.

– Ну, раз мы выяснили главное, – перешел я на бодро-деловой тон, – то давайте выработаем протокол и основной свод правил, по которым станем работать.

– Эм-м-м, – замялась Влада, вопросительно глядя на меня. – Приведете пример?

– Запросто! Например, я не везу вас больше молча туда, куда считаю нужным, а говорю: «Мадам Арифеева, сегодня есть план посетить психиатрическую клинику». А вы мне отвечаете: «Нет, Антон, мне сегодня не досуг и вообще никогда в принципе, потому как просто не хочу».

– Дело не в том, что я не хочу... хотя и это тоже, безусловно, – покачала головой женщина и снова поежилась. – От некоторых тамошних пациентов... да и обслуживающего персонала и правда исходит такое, что рядом находиться очень трудно. Но я научилась с этим справляться. Более или менее. Просто в этот раз наложилось мое неверное толкование вашего намерения привезти меня туда. Простите еще раз.

Ну, это-то я как раз прекрасно понял и в лишних напоминаниях не нуждаюсь.

– Так, стоп! Я придумал нам первое правило! Вы прекращаете прятаться за этими простите-извините! Посмотрите на меня, Влада! Я мужик, причем достаточно толстокожий, и не рассыплюсь, если вы будете говорить прямо и перестанете извиняться за то, что это делаете. В свою очередь, если я ляпаю, не подумавши, что-то, что вас пугает или смущает, вы не замыкаетесь, не ищите двойное дно или попытку задеть, а говорите мне в лоб.

– Прямо в лоб? – Влада улыбнулась уже почти без нервозности, и даже щеки ее чуть порозовели.

– Ага. Для двойного дна я слишком прямолинеен, а если захочу обидеть, то делаю это. Додумывать за мной не приходится. Тут у нас ясность?

Влада охотно кивнула, теперь уже не переставая улыбаться. В ее глазах появилась тень азарта и желание идти дальше.

– А личного это тоже касается? – заинтересованно спросила она.

– Вообще-то, это вроде как непрофессионально, но не буду лгать – я очень любопытен, и личных вопросов вам не избежать. Рано или поздно. Но если не будет желания отвечать на них – смело посылайте меня.

– А я... тоже могу вас спрашивать? – Влада смотрела на свои руки, и легкий румянец на щеках стал еще ярче.

– А вас интересует моя насыщенная личная жизнь?

О-па! А эта флиртующе-дразнящая нотка откуда в моем тоне? Не-не-не, Антоха. Не надо этого.

– Не обязательно она. Может, у меня просто появятся вопросы, никак не связанные с работой.

Это что, попытка пощупать почву на предмет, можем ли мы быть не только коллегами, но и друзьями? А и правда, можем ли?

– Ну, как появятся – задавайте, а там посмотрим, отвечу ли я. Идет?

Влада охотно кивнула. Ну вот и ладно. Возвращаемся в деловое русло, а то мало ли...

– Раз так, идем дальше. Я заметил, что когда вы слишком пристально изучаете кого-то, это сильно нервирует. Игнорировать это невозможно.

– В самом деле? – удивленно вскинулась Влада.

– Ага. На себе проверено.

– Изви... – Я поднял руку, останавливая и напоминая. Она запнулась и, усмехнувшись, замотала головой. – То есть я немного не контролирую себя в некоторые моменты и не замечаю некоторые вещи.

– Ага, я так и понял после того, как вы босиком топали по коридорам в отделе. Мне-то в принципе пофиг, но на многих это произвело впечатление.

– Ясно. Я должна это больше контролировать, – Влада сильно нахмурилась, будто не просто старалась сделать умственную пометку, а буквально высечь это на камне.

– Так, опять притормаживаем! – скомандовал я. – Вывести кого-то из равновесия – это далеко не всегда плохо, а иногда даже весьма полезно, если это преступник. Но есть пара нюансов. Мне бы хотелось быть готовым к таким моментам. Скажем, если вы видите: перед вами убийца, сделайте мне знак какой-то, что ли.

– Знак? Подмигнуть дважды или чихнуть? – развеселилась женщина.

– Мы это позже продумаем, – отмахнулся я. – Главное договориться в принципе. Просто я, как более опытный член нашего тандема, буду принимать решение – «прессовать» ли дальше этого человека вашим вниманием или пока не надо. Вы же должны понимать, что не все будут реагировать как Сысоевы и паскудник Гомон, то бишь устраивая истерики и качая права. Кто-то может и напасть на вас. Контингент-то у нас тот еще.

– Антон, я не настолько беззащитна, как может показаться на первый взгляд, – возразила Влада.

– Да неужели? – Я демонстративно и почти вызывающе пробежался глазами по ее почти истощенному, хрупкому телу, но женщина нисколько от этого не смутилась.

Наоборот, когда наши взгляды пересеклись, в меня врезался поток уже знакомой энергии. Хотя нет, в этот раз совершенно другой. Если до этого накрывало шоком, так, словно в тебя влетают с разбегу, без всяких преград проникая внутрь, лишая любой защиты и сдирая все слои, то теперь это скорее было какое-то общее мгновенное замораживание разума и вслед за ним и всех функций тела. Язык одеревенел, горло сжало, как в тисках, легкие заledenели, а единственным звуком было неумолимо замедляющееся сердцебиение. Из всех эмоций доступны оказались лишь паника и тоска. Обе острые, животные, лишаящие способности мыслить. А потом Влада резко выдохнула, часто заморгав, и все пропало. Как будто кто-то резко сдернул удушливое ледяное покрывало. Исчез бесследно и холод, и дышалось без проблем, и даже от страха не осталось и легкой тени.

– Херасе! – не сдержавшись, хрипло пробормотал я и ломанулся к крану.

– Простите, я не должна была... – затараторила Влада, устремляясь за мной и явно собираясь вцепиться в мой рукав.

Но я махнул рукой, требуя замолчать, пока жадно пил прямо из-под крана.

– Не извиняемся, помните? – сказал, когда наконец смог остановиться. – И это было... ну прямо охренеть! Что это вообще? Какая-то, типа, защита экстрасенская?

– Я не знаю, как называется, – пожала плечами Влада. – Но, если я злюсь или боюсь, людям плохо.

Очевидно, когда изучает очень пристально, тоже вроде того творится, вот откуда не совсем адекватная реакция у четы Сысоевых и Гомона. Так что мне до этого только казалось, что я понимаю, каково это – очутиться в центре внимания госпожи Влады. Мой вариант знакомства с ней был, типа, «лайт». И чур меня, честно говоря, от повторений.

– Напомните мне не злить вас и не пугать, – фыркнул я, возвращаясь на подоконник.

– Не переживайте, Антон, надолго меня все равно не хватает, и эффект пропадает почти мгновенно. – Ой, спасибо, типа, успокоила!

– Да мне и того, что было, хватило более чем! Повторения аттракциона не надо! Но если серьезно, то это никак не снимает вопрос вашей безопасности. Скорее наоборот. Многие люди в момент сильного испуга ведут себя непредсказуемо и агрессивно. Поэтому, если рядом

убийца, не важно, уже состоявшийся или еще только возможный, я должен это знать до того, как вы решите рассмотреть его повнимательнее. Хорошо?

– Конечно, как скажете, Антон. Вы у нас главный! – с готовностью согласилась женщина.

– Прекрасно! Приятно хоть в чем-то управлять. А теперь, раз я весь из себя главный у нас, и мы в общих чертах договорились, то давайте-ка закончим с чаем и поедем поработаем. Солнце, как говорится, еще высоко!

– Хорошо, – практически без колебаний согласилась Влада. – Дайте мне минутку.

Она ушла куда-то в глубь пустого дома, а я устался в окно на пожухшую траву, размышляя, как же мне так извернуться ужом, чтобы шеф не сразу понял, что хрена с два я его повеления насчет Влады буду исполнять. Одно дело – чье-то уязвленное профессиональное самолюбие, и совсем другое – судьба и шанс на нормальную жизнь реального, живого человека. Так что ему и другим его друзьям в чинах может хоть сто раз не нравиться все, плевал я. В конце концов, кто-то же нагнул их всех с этим самым проектом «Ворожея». А значит, есть кто-то наверху, кому это интересно и важно. Само собой, у нас, тех, кто прыгает через голову начальства, не то что не любят, а прямо-таки люто ненавидят и стараются затоптать. Но меня топтать пытаются уже давненько и все время с нулевым результатом. Совсем сожрать – подавятся. А с наивными надеждами на дальнейшее продвижение по службе я давно распрощался. Ну а с другой стороны... может, все еще вообще обойдется, и не придется мне Дон Кихота из себя изображать?

– Итак, рассказываю сразу, что едем мы в отдел нарконтроля, выпрашивать инфу у коллег, – сделал я объявление, как только мы вышли со двора.

– Выпрашивать? – удивилась Влада.

– Ага.

– Зачем?

– За тем, что они нам могут по секрету и в личной болтовне рассказать то, чего не найдешь в официальных отчетах и ориентировках. На улицах постоянно появляются новые вещества, а процесс их полного изучения реально отстает. Зато коллеги, непосредственно контактирующие с потребителями, так сказать, могут знать о действии химии гораздо раньше экспертов.

– Ну, хорошо. Вы ведь лучше в этом разбираетесь. А я тихонько постою у вас за спиной. – Простая фраза, непонятно почему, заставившая испытать чувство удовлетворения.

Влада оглядела свою улицу в поисках моей старушки.

– Машина за углом. Мне же нужно было создать у вас впечатление, что сдался и ушел, – пояснил, и не думая испытывать неловкость.

– Вам это удалось. Но в будущем буду умнее и осмотрительнее, – в тон мне ответила она.

– Не поможет! Я чрезвычайно изобретателен, если по-настоящему заинтересован в результате, – нахально похвалился я.

– Это я тоже учту, – не сдаваясь, отозвалась женщина.

Ну да, ну да! Посмотрим!

О том, кто Влада такая, все были уже осведомлены даже в смежном отделе. Да ради бога, управление – это же как сраная деревня заядлых сплетников! Убийства, кражи, массовые беспорядки? Фигня, кого этим удивишь, когда это ежедневная обыденность! Но вот что-то пикантное или необычное, касающееся личной жизни, это да, стоит всеобщего внимания!

– Надо же, какой приятный визит! – заелозил Митька Колесов, как только мы вошли к нему в кабинет. – И к тебе, друг мой Чудо, это несколько не относится!

Высоченный, но тощий, как шпала, он, согнувшись едва ли не до пола в чрезмерном приветствии, протянул свою клешню Владе. При этом глазки его лупатые так и бегали по ней сверху донизу, и непонятно, какого интереса в них было больше – профессионального или чисто мужского.

– Руки-то мыл сегодня? – насмешливо поинтересовался я.

– Дважды и даже с мылом! – огрызнулся Митька, как обычно задорно сверкая ухмылкой до ушей, на которую когда-никогда, но велись женщины. Говнюк пронырливый!

– Очень приятно с вами познакомиться! – ответила Влада, но при этом только слепой бы не заметил, как она жметя к моему боку, словно животное, нуждающееся в укрытии. Ну, ладно, может, я и преувеличиваю. Но, общаясь с новыми людьми, она старается соблюсти максимальную дистанцию, не выходя за рамки вежливости. Все же странное она создание. Я же теперь знаю, что способна при желании на жопу кого хочешь опрокинуть одним приветствием, но при этом явно избегает этого максимально. Вот мне дала свои способности сразу ощутить, а от других, похоже, прячется. И как я это должен трактовать? Как доверие, типа, или как признак собственной испорченности, с которой она не считает нужным миндальничать? Так, кажется, я собственные установки-то и забыл! Чего я гадаю, когда чуть позже можно напрямую спросить?

– Могу угадать, зачем вы здесь! – Митька сдвинул брови и закатил глаза, корча рожу, точно, как у этих экстрасенсов в шоу, работающих на камеру. – Вас интересуют новые запрещенные вещества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.